

TALLINNA POLÛTEHNILISE
INSTITUUDI TOIMETISED
ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

СЕРИЯ Б

№ 4

К. И. ТИХАЗЕ

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
ЭСТОНСКОГО НАРОДНОГО
ЖИЛИЩА**

ТАЛЛИН 1962

Ер. 6.118

TALLINNA POLÜTEHNILISE INSTITUUDI TOIMETISED
ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

СЕРИЯ Б

№ 4

1962

К. И. ТИХАЗЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
ЭСТОНСКОГО НАРОДНОГО
ЖИЛИЩА

0174.93

ТАЛЛИН 1962

ОТ АВТОРА

Уже начиная с 80-х годов прошлого века многие исследователи занимались вопросами истории возникновения и формирования своеобразного эстонского народного жилища — жилой риги. Однако, всесторонне изучение памятников эстонской народной архитектуры было все же недостаточным и вопрос возникновения и формирования эстонского народного жилища остается до сего времени спорным.

В следующей статье приводятся некоторые материалы, полученные в результате многолетнего детального изучения эстонского народного жилища и памятников народной архитектуры, проведенного автором на всей территории Эстонии, и высказываются на основе полученных материалов исследования некоторые мысли и соображения.

К. ТИХАЗЕ.

1. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СТРОЕНИЯ, ТЕСНО СВЯЗАННЫЕ С ФУНКЦИЯМИ ЖИЛИЩА, И НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ПРИМИТИВНЫХ ЖИЛИЩ

1. Летняя кухня — кода

В середине прошлого века почти в каждом крестьянском дворе можно было видеть небольшое строение, так называемую летнюю кухню или кода (koda). Это строение использовалось в более теплое время года как кухня, где приготавлилась пища для людей и корм для скота, стиралось белье и выполнялись другие хозяйственные работы.

По своей форме летние кухни — кода были двух типов: конусообразные и четырехугольные.

Устройство конусообразных летних кухонь было весьма примитивным: вокруг выравненной круглой площадки, диаметром от 4 до 5 метров, устанавливались в виде конуса, сделанные из толстых жердей, опорные устои. На эти устои укладывались более тонкие жерди и колья различной длины. Для защиты от ветра и дождя промежутки между жердями заполнялись мхом или покрывались сверху берестой, еловой корой, дерном, фукусом и т. д. (рис. 1). Внутри такого помещения, почти в центре пола, располагался открытый очаг, над которым подвешивались котлы (рис. 2).

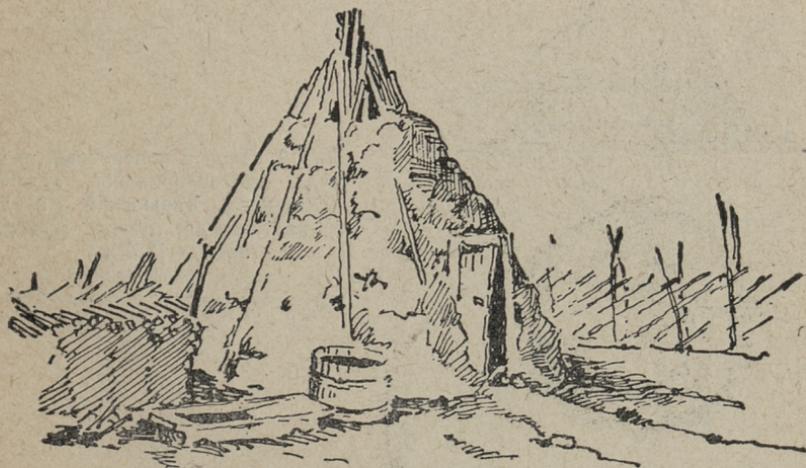

Рис. 1. Конусообразная летняя кухня — кода. Зона гор. Пярну (остров Кихну), деревня Лемси, двор Ситна. (Рисунок автора 1957 г.)

Рис. 2. Внутренний вид конусообразной летней кухни-кода. Хаапсалуский р-н, д. Сельяку, дв. Теорехе. (Рисунок автора 1952 г.)

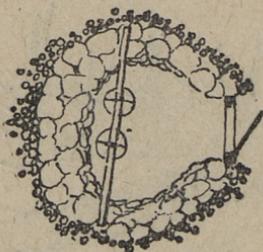
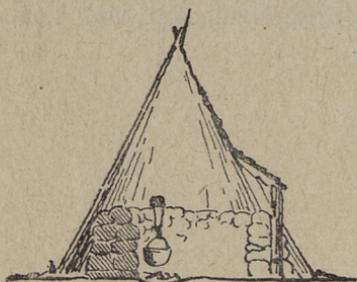

Рис. 3. План и поперечный разрез конусообразной летней кухни-кода. Харьуский р-н, д. Кырветага, дв. Меара. (Обмер автора 1957 г.)

0 1 2 3 4 5 м.

Внутри некоторых конусообразных летних кухонь-кода по периметру стен выкладывалась невысокая каменная стенка (рис. 3). Очевидно, такие кухни представляют собой более развитую ступень тех примитивных открытых очагов, которые применялись вместо летних кухонь во дворе некоторых бедняцких хозяйств. Для защиты очага от ветра он окружался каменной стеной, выложенной из валунов или плит известняка (рис. 4). Последняя служила также опорой для поперечной балки, к которой с помощью крюка подвешивался котел. Однако, подобный открытый очаг, расположенный во дворе по соседству с другими строениями, крытыми, как правило, соломой, был огнеопасен. Поэтому его окружали конусообразной стеной, сложенной из жердей и кольев, как в случае обычных летних кухонь.

Четырехугольная летняя кухня представляла собой небольшое бревенчатое или каменное строение из природного камня. Это строение покрывалось двускатной крышей из дранки, бересты, плит известняка или досок. Пол в ней был земляным или выкладывался из плит известняка.

Характерной особенностью всех четырехугольных летних кухонь — кода являлось то, что они всегда были без потолка.

В сохранившихся до наших дней старых летних кухнях очаг располагался по-разному, посередине или в углу и т. д. Однако, с точки зрения изучения истории развития летних кухонь особый интерес представляют те, очаг в которых рас-

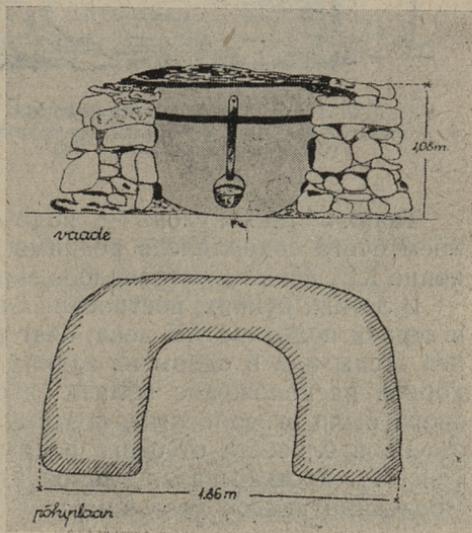

Рис. 4. Открытая летняя кухня. Кингисеппский р-н, д. Видтима, дв. Рути. (По ES. КТ 175, стр. 15)

полагался посередине помещения. Типичным примером такой кухни является сохранившаяся до сих пор в Йыгеваском р-не старая летняя кухня — кода, построенная примерно 150 лет тому назад (рис. 5). Это небольшое бревенчатое строение, покрытое драночной двускатной крышей. Переступая порог, попадаем в небольшое ($2,75 \times 3,2$ м) беспотолочное помещение, с расположенным посередине пола открытым очагом. Над очагом на высоте примерно 1,8 м расположены две параллельные балки, прикрепленные своими концами к противоположным стенам. Эти балки служили для подвешивания с помощью деревянных крюков котлов. Дневной свет попадает в помещение кухни через двери или отверстия, имеющиеся под коньком в торцовых стенах. Таким же путем находит себе выход и дым очага, поэтому все внутри помещения прокопчено до лоснящейся черноты.

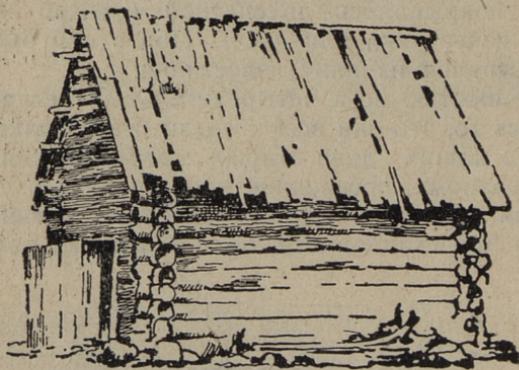
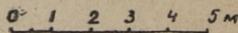
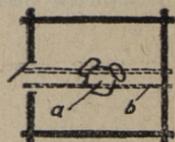

Рис. 5. Вид летней кухни-кода. Йыгеваский р-н, д. Тэлга, дв. Сельяку

Рис. 5-а. План летней кухни-кода на рис. 5:
а — открытый очаг огня. в — балки для подвески котлов.
(Обмер и рисунок автора 1960 г.)

Таких летних кухонь — кода с центральным расположением очага сохранилось редкими единицами, однако еще в конце XIX века их встречалось значительно больше.

В летних кухнях, построенных во второй половине XIX или в первой половине XX века, очаг располагался обычно у задней стены или в одном из задних углов (рис. 6). Однако подобное расположение вблизи деревянной стены открытого очага было огнеопасным, поэтому участок стены в непосредственной близости от очага покрывался плитами известняка (рис. 7), промазывался глиной или же строился из камня. Последний способ был наиболее широко распространенным.

Рис. 6. План летней кухни-кода. Харьюский р-н, Кэрнуский с/с., дв. Кэстриасемэ:
a — открытый очаг огня, *b* — плиты известняка, *c* — скамейка, *d* — стол, *e* — полка, *x* — чурбан для рубки дров. (Обмер автора 1959 г.)

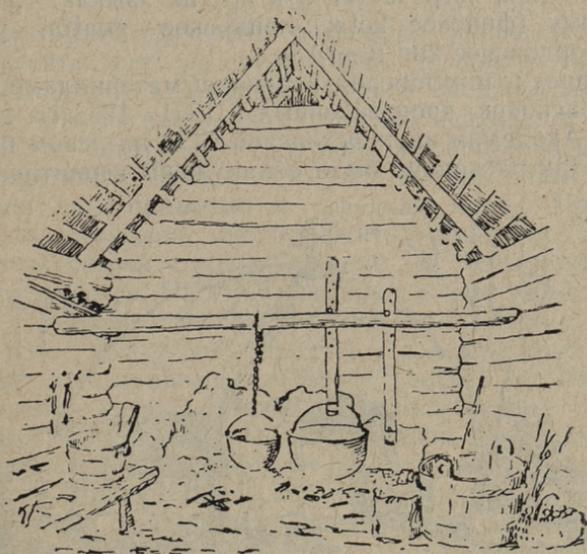
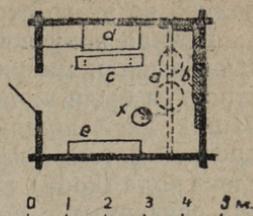

Рис. 7. Внутренний вид предыдущей летней кухни-кода.
 (Рисунок автора 1959 г.)

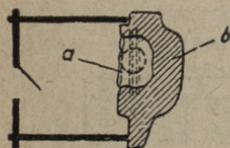

Рис. 8. План летней кухни-кода. Раплаский р-н, д. Кодида, дв. Ламмука:
a — открытый очаг огня, *b* — каменная стена.
 (Обмер автора 1960 г.)

Каменная стена строилась обычно в виде ниши, охватывающей очаг с трех сторон (рис. 8). Такая очаговая ниша часто покрывалась сверху широкой плитой известняка, предохранявшей деревянную крышу от поднимающихся с очага искр.

В районах, богатых известняком, стены кухни выкладывались из этого строительного материала (рис. 9).

Изучая конусообразные кода, исследователи неоднократно высказывали мнение о том, что подобного рода примитивные строения были начальной ступенью древних жилищ¹, и что до наших дней дошли некоторые строительные традиции этой древней формы жилища. При этом ссылались на то, что корень слова кода (koda) встречается в эстонском языке во многих словах, связанных с понятием о доме, например, дом (kodu), домой (koju), родина (kodumaa) и др., что термин «кода», как понятие о жилище, встречается и в других языках, родственных эстонскому (финское kota, лопарское goatta, удмуртское kuola, мордовское kud и др.).²

Эти предположения подтвердились материалами археологических раскопок, произведенных в 1951—1953 гг. Институтом истории Академии наук Эстонской ССР на левом берегу реки Нарва. При раскопках были обнаружены неолитические посе-

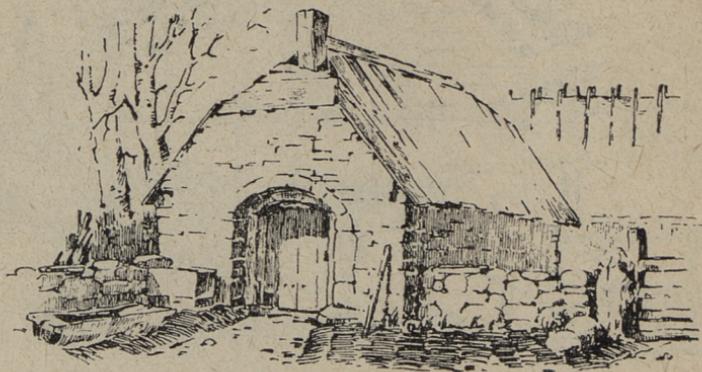

Рис. 9. Вид летней кухни-кода. Кингисеппский р-н, (остров Муху), д. Когува, дв. Тынисе

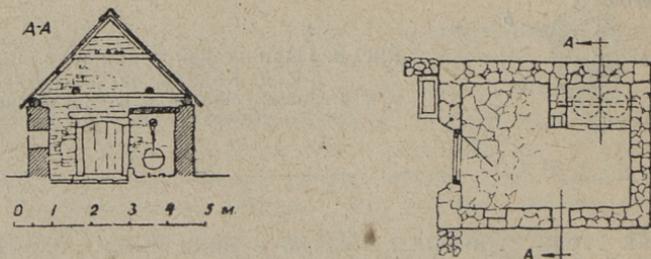

Рис. 9-а. План и поперечный разрез летней кухни-кода на рис. 9. (Обмер и рисунок автора 1956 г.)

селения с остатками древних жилищ. План одного из них был круглой формы с диаметром 6 метров, второго — овальной с осями, равными 6 и 7 метрам. Пол этих жилищ был углублен примерно на 30 см. В обоих жилищах были открытые очаги: в первом — посередине пола, во втором — у задней стены. Эти жилища были покрыты в виде шалаша жердями и ветками, поверх которых был уложен дерн³ и представляли собой конусообразные строения, подобные описанным выше. По мнению археологов, подобные примитивные конусообразные шалашы служили в древности жилищами и в других поселениях⁴.

Во время археологических раскопок, произведенных за последние десять лет на территории древнего городища Рыуге, относящегося к середине первого тысячелетия, были обнаружены остатки нескольких строений. Археологи предполагают, что это остатки четырехугольных бревенчатых жилищ площадью 2,5×4,5, 4,5×7 и 4×5 метров, очаги в которых располагались примерно в середине пола.⁵ Последнее обстоятельство позволяет предположить, что эти жилища были беспотолочными строениями, как и четырехугольные летние кухни — кода. На это указывают и некоторые особенности языка: многие строения, не имеющие подобно летним кухням потолка, называют словами, содержащими корень слова «кода», как, например, *suvekoda* (летняя кухня), *serikoda* (кузница), *vaekoda* (важня), *eeskoda* (сени), *vesikoda* (помещение, где находилось колесо водяной мельницы) и др.

Следовательно, и в строительстве четырехугольных летних кухонь — кода, особенно тех, очаг в которых располагался посередине, сохранились существенные черты, присущие древним жилищам.

2. Баня

Крестьянская парная баня представляла собой обычно небольшое деревянное строение, расположенное в некотором отдалении от других построек. Крыши бань, которые по большей части были двускатными, покрывались дранкой, корой, дерном, соломой или камышом. Потолок строился из тонких бревен, опиравшихся своими концами на противоположные стены. Щели между бревнами потолка заполнялись мхом и засыпались сверху землей. Полы бани были земляными и перед мытьем покрывались соломой или ветками лиственных деревьев.⁶ Реже полы строились деревянными или настилялись из плит известняка. Свет в баню, высота которой не превышала двух метров, проникал через прорубленное в стене

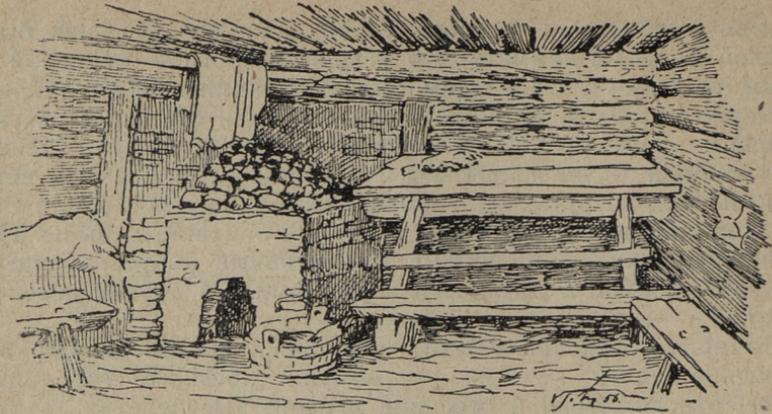

Рис. 10. Внутренний вид бани. Харьбский р-н, д. Уури, дв. Эрулыппе. (Рисунк автора 1956 г.)

маленькое четырехугольное оконце. В одном из углов внутри бани находилась печка-каменка, сложенная из природных камней. Дым выходил из бани через наружную дверь или оконное отверстие. Для парения вениками рядом с печкой-каменкой, вдоль задней (рис. 10) или боковой стены, был устроен полк высотой около одного метра, шириной

Рис. 11. Распространение типов бань:
1. бани северного типа. 2. бани южного типа. 3. бани отсутствовали, мытье и парение производились в жилой риге. (По материалам автора)

60—80 см и длиной почти в рост человека. Под потолком вдоль стены над печкой подвешивалась жердь для одежды, которую требовалось пропарить.

По планировке и внутреннему устройству бани разделяются на два типа: северо- и южно-эстонские (рис. 11). В дальнейшем будем называть их для удобства банями северного и южного типов.⁷ Основное различие между этими двумя типами заключается в различном расположении печки-каменки и полка в планировке бани. В бане северного типа печка расположена в одном из задних углов, устьем против наружных дверей; между печкой и боковой стеной, вдоль задней стены, расположен полк (рис. 12 а). В банях южного типа печка-каменка расположена в одном из передних углов у наружных дверей (рис. 12 в); полк же расположен вдоль задней или боковой стены. Расположение полка вдоль задней стены встречается, в основном, в юго-восточной Эстонии, вдоль боковой — на островах.⁸

Рис. 12. Типы бань:
а — северный тип, в — южный тип

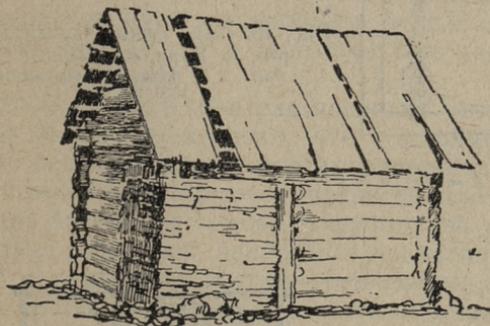
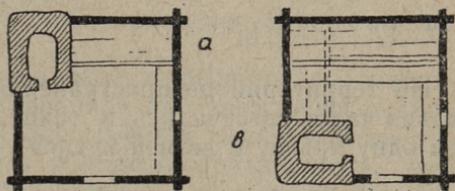
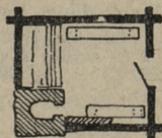

Рис. 13. Вид бани. Харьюс-кий р-н, д. Уури, дв. Эрулыппе.

Рис. 13-а План бани на рис. 13. (Обмер и рисунок автора 1957 г.)

0 1 2 3 4 5 м

Характерной архитектурной особенностью эстонских бань является то, что наружные - стены печки-каменки всегда прорезают стены сруба бани и выходят наружу (рис. 13). Исключение составляют только бани в юго-восточной Эстонии, где печка-каменка чаще целиком расположена внутри сруба бани, как это типично для русских бань.

В первую половину XIX века были еще довольно широко распространены бани, состоявшие только из одного помещения — парильни, в которой мылись, парились.⁹ Отдельные такие однокамерные бани сохранились и до наших дней. Обычно к баням пристраивались перед входом небольшие предбанники (сени) (рис. 14). для одевания.

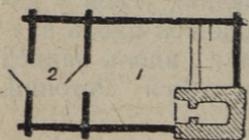
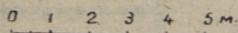

Рис. 14. План бани. Округ города Кохтла-Ярве, д. Кастла, дв. Мяэ:

(Обмер и рисунок автора 1957 г.)

1 — баня, 2 — предбанник. (По УМ. р. 17:30)

На территории распространения обоих типов бань довольно часто встречались и такие, которые были подведены под одну крышу с летней кухней — кода, (рис. 15—16). При

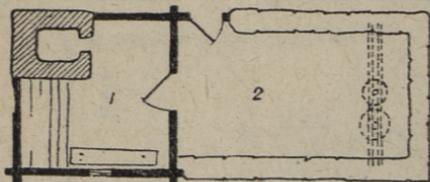

Рис. 15. План бани. Харьюский р-н, д. Уури, дв. Пулга:

1 — баня, 2 — кода. (Обмер автора 1960 г.)

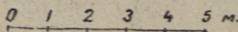
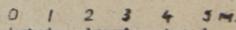
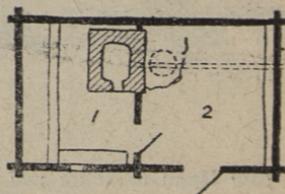

Рис. 16. План бани. Вырусский р-н, д. Плак-си, дв. Вастерпооле:

1 — баня, 2 — летняя кухня-кода. (Обмер автора 1959 г.)

этом как баня, так и летняя кухня — когда сохраняли присущие им особенности планировки и внутреннего устройства. Такое соединение в одну постройку этих двух хозяйственных строений было весьма рациональным, как с точки зрения экономичности строительства, так и эксплуатации: пристроенная к бане летняя кухня могла быть использована и как предбанник, где было удобнее греть воду для мытья и т. д.

Во второй половине XIX века все шире стали распространяться более рациональные типы бань, в которых устье печки-каменки выходило в предбанник.

Несмотря на то, что мытье и парение в парной бане являлись неотъемлемой частью эстонского народного быта, бани были распространены не всюду. Наиболее широко бани были распространены на юге Эстонии и на островах, на севере бани встречались значительно реже; в центральной и западной частях Эстонии бани вообще отсутствовали (рис. 11). В тех местностях, где не было бань, для мытья и парения использовалась изба жилой риги.

При исследовании парных бань возникает вопрос об их происхождении в древности.

Как известно, упоминание о бане встречается у эстонцев в «Младшей Ливонской рифмованной хронике», относящейся к 1315—1348 гг.¹⁰ Рассказ о бане имеется также в «Повести временных лет»,¹¹ однако есть основания предполагать, что парная баня имеет гораздо более древнее происхождение. Об этом свидетельствуют эстонский фольклор и мифология: сын Калева коронуется в короли в бане,¹² он сам строит баню из гигантского дуба¹³, в бане парились дочери домового, духов муравы и т. д.¹⁴

Видный исследователь наследия эстонской народной культуры М. И. Эйзен писал, что у эстонцев времени язычества было два почитаемых места: священная роща и баня. Причем почитание бани кажется превосходило почитание священной рощи. Во всяком случае, о священной роще до нас не дошло столько различных запретов и повелений, как о бане. Христианство прибавило к этим двум святыням времен язычества еще третью — церковь, стремясь уменьшить почтение к первым двум. В отношении священной рощи это христианству удалось, чего нельзя сказать о бане¹⁵.

О том, что баня в прошлом была весьма почитаемым местом, свидетельствуют древние народные обычи и суеверия: в бане нельзя было ругаться¹⁶, в ней человек должен был вести себя самым достойным образом. Жизнь человека была связана с баней с самого рождения и до конца смерти: в бане рожали, в бане пребывали во время сватовства и свадьбы, в

бане ухаживали за больным, в бане больной испускал дух¹⁷. Все это говорит о том, что баня у эстонцев имеет глубоко древнее происхождение и что баня занимала в народном быту более важное место, чем в настоящее время.

Видный исследователь крестьянских построек К. Э. Блюмквист на основе собранных материалов приходит к заключению, «что парная баня представляет собой культурное явление, возникшее на Восточно-Европейской равнине в отдельные времена в условиях сурового континентального климата», что «баня распространена по всей северной половине Восточно-Европейской равнины» и «издревне бытовала и у северных и западных соседей восточных славян: латышей, эстонцев, финнов, карел, вейсов, коми (зырян и пермяков) и удмуртов»¹⁸.

По данным Е. Э. Блюмквиста «южная граница прежней области распространения крестьянских бань проходила от берегов Балтийского моря, южнее Западной Двины, захватывала северные и восточные окраины Белоруссии, северную часть Черниговщины, Смоленскую губ., северные части Калужской, Тульской и Рязанской губ. (приблизительно по реке Оке), Мордовию, Чувашию и Татарию и проходила до Башкирии, южнее городов Белебея и Уфы, по направлению к Златоусту».¹⁹ Интересно отметить, что эта территория распространения бань в европейской части в основном совпадает с территорией расселения угрофинских племен в середине первого тысячелетия до н. э.²⁰

По нашему мнению вопрос о возникновении и образовании парной бани тесно связан с вопросом развития жилища, поэтому к нему мы еще вернемся при рассмотрении вопроса о жилых ригах.

3. Курные избы

В эпоху феодализма господствующим типом эстонского народного жилища была жилая рига. Однако часть сельского населения, которая, наряду с земледелием, занималась рыболовством, ремеслами и др., жила в примитивных жилищах — курных избах.

Особый интерес с точки зрения истории развития жилища представляют старые, т. н. рыбацкие дома (kalatajad).

На морском побережье и на отдельных островах, куда выезжали на сезонный лов рыбы, для временного жилья строились небольшие рыбацкие дома. На рис. 17 приведена планировка одного из рыбацких домов, который служил временным жильем для 4—5 рыбаков. Это было небольшое бревенча-

тое строение, напоминающее летнюю кухню — кода. Внутри, в беспотолочном помещении, посередине земляного пола, располагался открытый очаг, вокруг которого грелись и на котором варили пищу. В одном конце дома находились нары для сна, в другом — устройства для сушки сетей.

Иногда рыбацкие дома строились еще более примитивными — в виде полуземлянок (рис. 18).

Рис. 17. План рыбацкого дома для временного жилья. Хаапсалуский р-н, д. Кала, дв. Тынисе:
1 — нары для сна, 2 — открытый очаг огня, 3 — помещение для сушки сетей.
(Обмер автора 1956 г.)

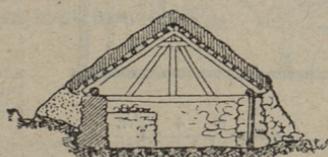
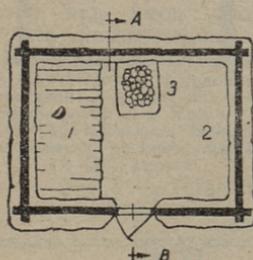
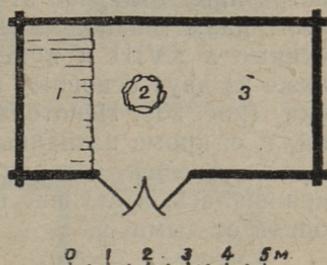

Рис. 18. План и разрез рыбацкого дома (полуземлянки) для временного жилья. Хийумааский р-н, островок Сарнаку:
1 — нары для сна, 2 — место для сушки сетей. 3 — печка-каменка.
(Обмер автора 1959 г.)

Рыбацкие дома, предназначенные для постоянного жилья, состояли обычно из двух помещений: отапливаемой избы — туба и неотапливаемых сеней — кода (рис. 19). Сени были обычно без потолка и использовались для сушки сетей. В избе обычно был потолок, построенный так же как и в банях из тонких бревен со щелями, заполненным глиной и мхом и засыпанным сверху землей. Г. Рянк в своем труде «Крестьянские постройки Сааремаа» дает следующее описание внутреннего устройства отапливаемой избы одного из рыбацких домов: при входе из сеней в избу попадаешь в невысокое четырехугольное помещение, в переднем левом углу которого расположена низкая печка-каменка. . . Единственной обста-

новкой являются стоящие вдоль стен низкие широкие скамейки и лавки, которые служат рыбакам днем для сидения, а ночью для сна.²¹

Такие рыбацкие дома назывались часто баней (rannasaun — береговая баня, meremeestesau — баня моряков и т. д.), хотя фактически и функций бань они не выполняли.

Уже в эпоху феодализма иногда встречались жилые дома, построенные отдельно от риги. По некоторым сохранившимся памятникам можно установить, что такие жилые дома, построенные в XVIII и в первую половину XIX века, состояли также из двух основных помещений: избы — туба и сеней — кода (рис. 20). Некоторые из них состояли из трех помещений, т. е. кроме названных избы и сеней имелась еще и камора — камбер, которая служила жилым помещением и содерживалась, в отличие от курной, в большей чистоте и свободной от дыма.

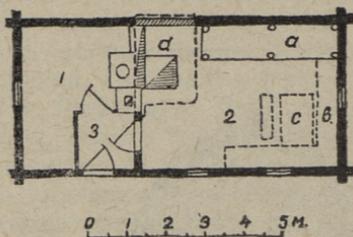
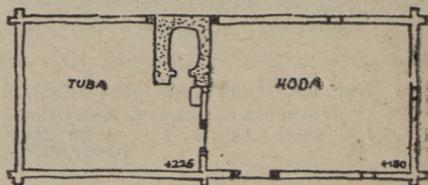

Рис. 19. План «рыбацкой бани», т. е. рыбацкого дома для постоянного жилья. Кингисеппский р-н, (остров Муху), д. Палласмаа, д. Лепанина: 1 — сени-кода, 2 — изба-туба, 3 — сени, а — нары для сна, в — пристенные скамейки, с — стол, d — печка-каменка. Пунктирной линией показано прежнее расположение печки-каменки и мебели. (Обмер автора 1959 г.)

Рис. 20. План курной избы. Кингисеппский р-н, д. Селгасе, дв. Пезтри. (По Г. Рянк)

В предместье города Таллина в Козе—Люкати (рис. 21) сохранился до настоящего времени один из таких жилых домов, построенный в 1752 году²². Хотя позднее он и подвергался некоторым перестройкам, его первоначальный вид и планировка могут быть полностью восстановлены по хорошо сохранившимся старым частям строения, воспоминаниям домохозяев, старым фотографиям и т. д. Этот дом до конца XIX в. был курным и состоял из трех основных помещений: сеней — кода (1), избы — туба (2) и каморы — камбер (3). Сени площадью 21 м² были без потолка. В них был открытый очаг, над которым висели котлы таким же образом, как мы видели

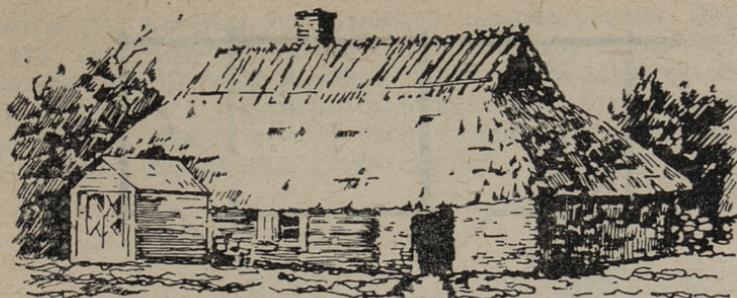

Рис. 21. Вид бывшей курной избы. Пригород Таллина, Косэ-Люкати, дв. Люкати

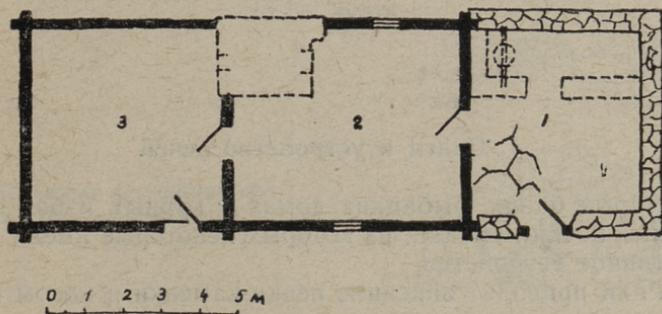

Рис. 21-а. План бывшей курной избы на рис. 21:
1 — сени и летняя кухня — кода, 2 — изба-туба, 3 — камора. (Обмер и рисунок автора 1958 г.)

это в вышеописанных летних кухнях — кода. Изба площадью 30 м^2 отапливалась печко-каменкой, находившейся в правом заднем углу, устьем против входных дверей²³. Потолок в избе сделан из круглых бревен, уплотненных смесью глины и мякины, и засыпан землей; пол был настлан из плит известняка. Камора площадью 25 м^2 отапливалась горячим воздухом, попадавшим сюда через отверстие, устроенное в задней стенке печки-каменки, выходявшей в камору.

На рис. 22 показан жилой дом бедняцкого крестьянского хозяйства в южной Эстонии, построенный в середине XIX века²⁴. Этот жилой дом состоит также из трех основных помещений: гумна (1), избы (2) и каморы (3). Но так как это крестьянское хозяйство не имело отдельно построенной риги, как в предыдущем примере, то изба этого жилого дома использовалась для искусственной сушки хлебов. Для этого вносились и устраивались под потолок временные колосники, на которых сушили хлеб.

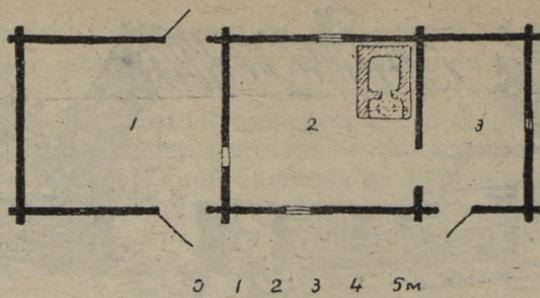

Рис. 22. План курной избы. Валгаский р-н. Местный краеведческий музей Мыннсте:
 1 — гумно-кода, 2 — изба-таре, 3 — камера (Обмер автора 1959 г.)

4. Очаги и устройство печей

В старых банях, рыбацких домах и курных избах обычно строились печки-каменки, из которых некоторые имели весьма примитивное устройство.

Г. Рянк приводит описание печки-каменки в одном из старых рыбацких домов:

Печка является самым примитивным устройством, которое вообще можно себе представить. Она состоит из камней, уложенных друг на друга без связывающего вещества так, что вся печка, начиная от пола, представляет собой одну каменку (рис. 23). Разница между подом, боковыми стенками и самой каменкой заключается только в различной величине камней: у основания они крупнее, становясь кверху меньше. Не является исключением и свод над каменкой, устроенный из про-

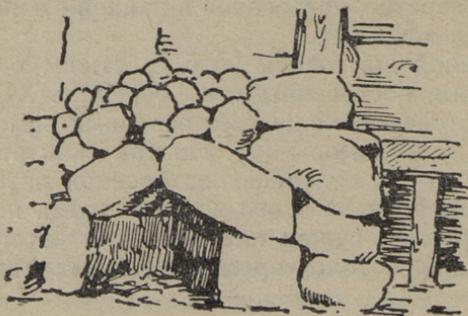
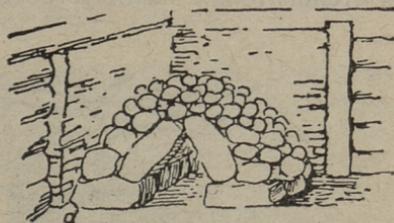

Рис. 23. Примитивная печка-каменка. Кингисеппский р-н, бухта Куусе-нимме. (По ЕМ Рд. 725:291)

долговатых валунов, опирающихся друг на друга. Такого примитивного свода было достаточно для поддержания тяжести каменки. Наличие такой открытой каменки у стены в углу избы было возможно только благодаря тому, что стены за печкой были каменными и выходили наружу через деревянные стены сруба.²⁵

Рис. 24. Схема устройства примитивной печки-каменки.

Подобные примитивные печки-каменки строились следующим образом: с обеих сторон и за топкой укладывались крупные камни-валуны (рис. 24 а), на которые укладывались упирающиеся друг в друга своими верхними концами в виде двускатной крыши камни, образующие свод (рис. 24 в). На камни свода укладывалась каменка, представляющая собой кучу круглых камней — снизу покрупнее, сверху помельче (рис. 24 с). Во время топки такой печки пламя и жар, проходя сквозь щели, накаляли камни, образующие каменку, которые, постепенно остывая, нагревали помещение.

Такая примитивная печка-каменка в углу деревянного сруба была огнеопасной, поэтому уже при строительстве сруба ту часть деревянной стены, которая находилась за печкой-каменкой, строили из камня (рис. 24 *d*). Такая замена расположенной за очагом части деревянной стены каменной наблюдалась нами и при строительстве уже описанных бревенчатых срубов летней кухни — кода (рис. 8).

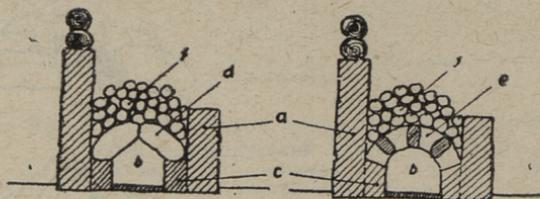

Рис. 25. Поперечные размеры печек-каменок:
a — стена печи, *b* — топка, *c* — подпорные стенки,
d — подпорные камни, *e* — свод, *f* — каменка

Таких примитивных печек-каменок в настоящее время уже почти не сохранилось. Печки-каменки в дошедших до нас старых памятниках народной архитектуры имеют более совершенное устройство (рис. 25): топка с боков и сзади окружалась каменными стенками (*a*), выложенными из природных камней на глиняном растворе. Внутри печи вдоль боковых стенок топки были устроены для камней свода (*d* и *e*)

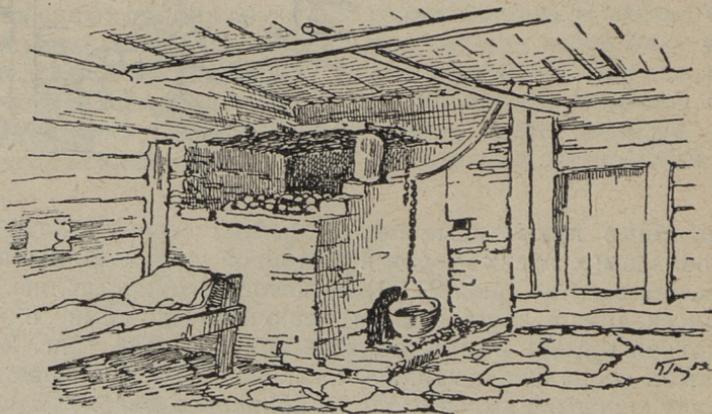

Рис. 26. Внутренний вид курной избы с печкой-каменкой. Харьковский р-н, д. Маннива, дв. бобыля Мяги. (Рисунок автора 1960 г.)

невысокие подпорные стенки (с). Для приготовления пищи перед печкой-каменкой устраивался открытый очаг, над которым подвешивались котлы. У более старых и примитивных печек-каменок конструктивная связь между печкой и открытым очагом почти отсутствовала или была выражена слабо (рис. 26). В дальнейшем, в ходе усовершенствования печей и открытого очага, последний объединяется с печкой-каменкой в одно конструктивное целое.

Рис. 27. Печка-каменка бани. Раквереский р-н, д. Койла, дв. Пунга. (Рисунок автора 1962 г.)

На рис. 27 показана печка-каменка, боковые стенки которой несколько выдаются вперед таким образом, что они окружают с двух сторон открытый очаг, расположенный перед устьем топки. Подобное удлинение боковых стенок печи создавало удобную опору для концов перекладки, на которую подвешивались котлы, и, кроме того, способствовало лучшему горению в очаге. Чтобы угли и зола не рассыпались по полу, очаг огораживали спереди низкой каменной загородкой. Каменка покрывалась сверху широкой известняковой плитой, предохранявшей деревянный потолок от искр.

В жилых ригах, описание которых дается ниже, печи встречались в основном двух типов: печки-каменки и т. н. глухие печи (umbahi). Причем, как это видно из схемы распространения печей (рис. 28), чаще встречались печки-каменки.

Устройство в жилых ригах печки-каменки было в основном таким же, как в банях и рыбацких домах. Наиболее примитивные из них были также с открытой каменкой, перед которой располагался открытый очаг с подвешенными над ним

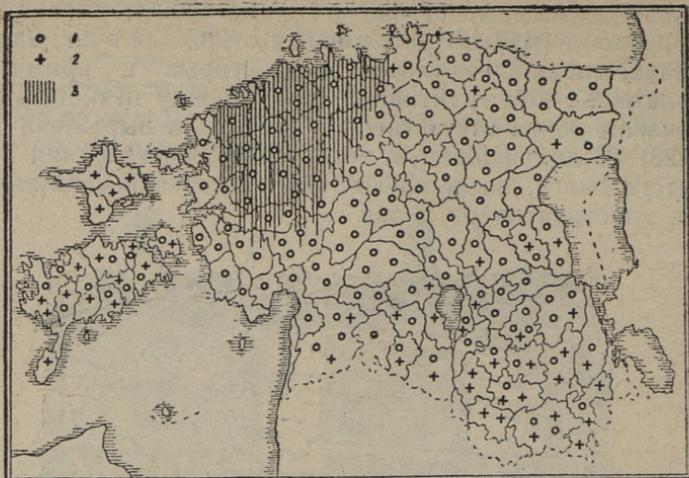

Рис. 28. Распространение типов печей:
 1 — печка-каменка, 2 — глухие печи, 3 — печки-каменки с т. н. тур-
 басаммас». (По материалам автора)

котлами для приготовления пищи (рис. 29). Позднее, в конце XIX века, открытые каменки уступают место закрытым, т. е. таким, над которыми устраивался в виде свода или широкой известняковой плиты сплошной каменный потолок. Для

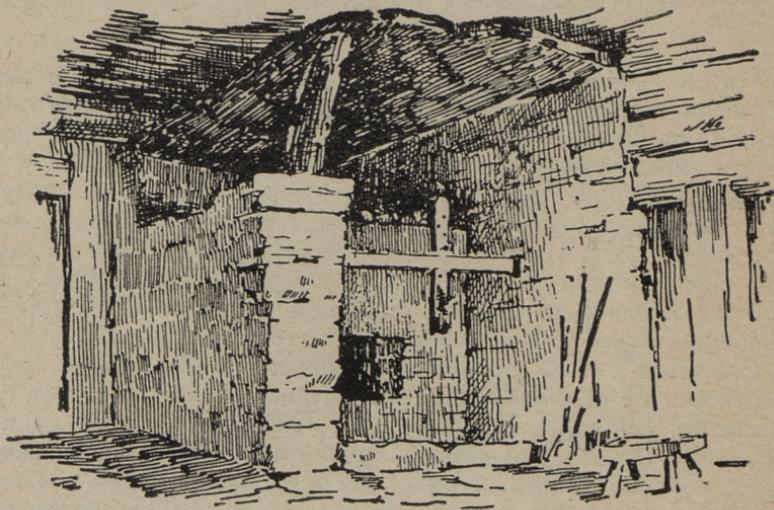

Рис. 29. Печка-каменка жилой риги. Хаапсалуский р-н, д. Кабели,
 дв. Ритсу, (Рисунок автора 1952 г.)

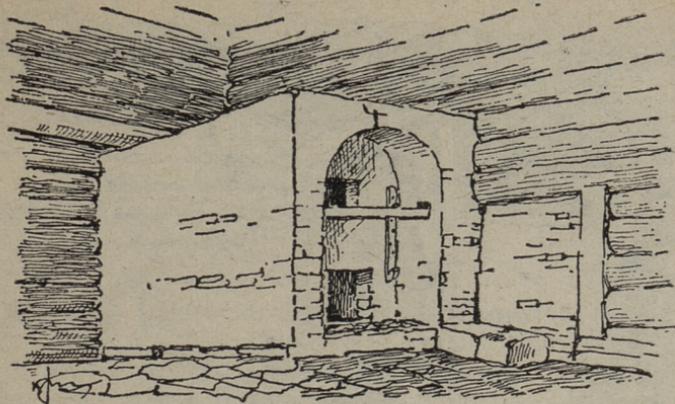
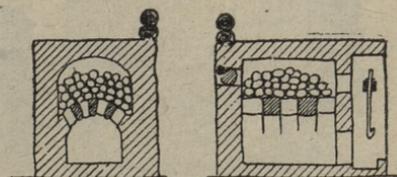

Рис. 30. Печка-каменка жилой риги (общий вид). Пайдеский р-н, д. Ваху, дв. Индрeko.

уменьшения огнеопасности над открытым очагом строился каменный карниз (рис. 30).

Печки-каменки имели конечно свои местные особенности, зависевшие от местных строительных традиций, строительных материалов и т. д. Например, в Северо-западной Эстонии встречались печки-каменки, у которых впереди у боковой стены стоял столб (*turbasammas*), заделанный нижним концом в пол, а верхним в потолок или прикрепленный к стене избы при помощи горизонтальной перекладины (рис. 31).

Рис. 30-а. Продольный и поперечный разрез печки-каменки жилой риги на рис. 30. (Обмер рисунок автора 1954 г.)

Рассмотрев в общих чертах устройство печек-каменок, нельзя не отметить их типичной особенности: наружные стены печки-каменки всегда прорезают стены деревянного сруба и выходят наружу. Эта особенность не является характерной для печки-каменки наших близких соседей, за исключением северной части Латвии.²⁶ Это указывает на то, что развитие печки-каменки в Эстонии шло, в основном, самостоятельным путем.

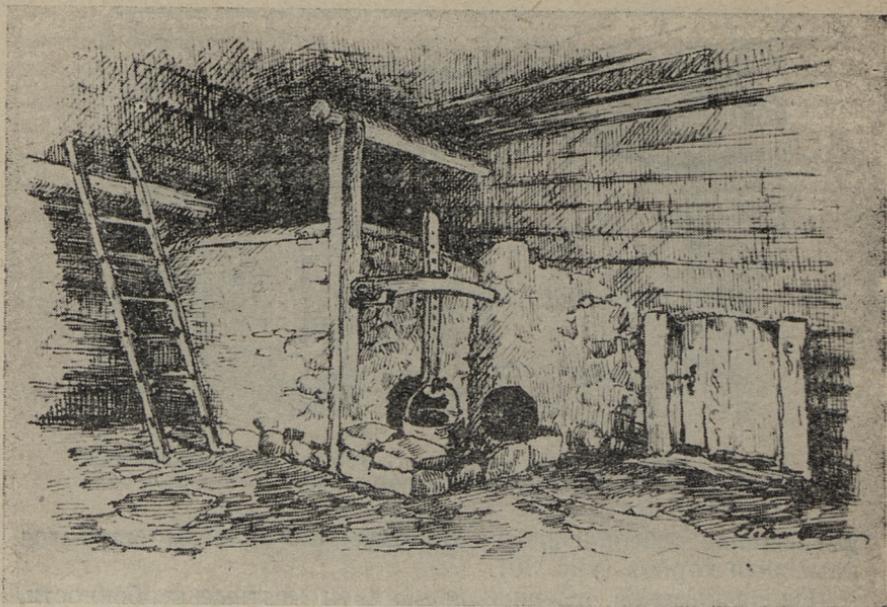

Рис. 31. Печка-каменка с «турбасаммас». Харьбский р-н, д. Аллика, дв. Каламатсу. (Рисунок автора 1956 г.)

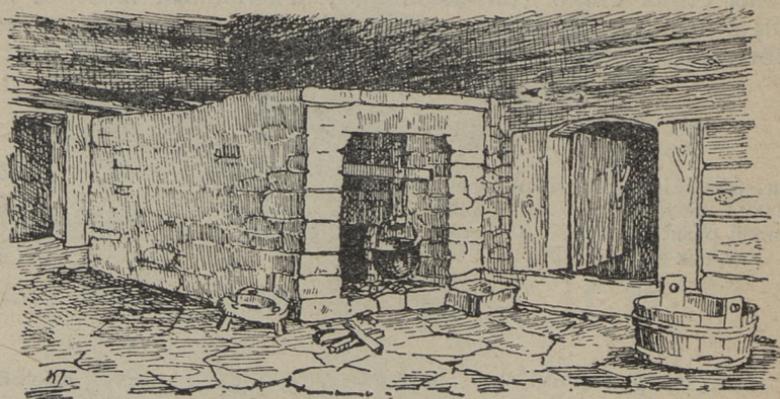

Рис. 32. Глухая печь. Кингисеппский р-н, д. Лээдри, дв. Рооста. (Рисунок автора 1956 г.)

Устройство старой глухой печи было также весьма примитивным. Топка глухой печи была окружена стенами и покрыта сверху сводчатым или плоским глухим потолком

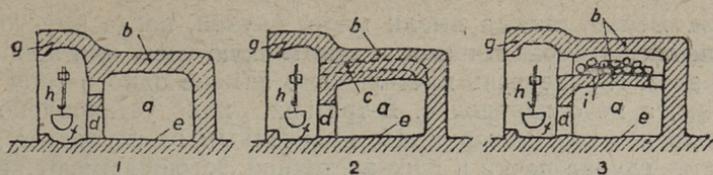

Рис. 33. Схемы поперечных разрезов глухих печей:

1 — обыкновенный, 2 — с домовым каналом, 3 — с каменкой: а — топка, в — потолок топки, с — дымовой канал (показан пунктиром), d — устье печи, e — пол, х — открытый очаг, g — карниз для погашения искр, h — устройство для подвески котлов, i — каменка

(рис. 32). При топке глухой печи дым выходил через устье печи или отверстие, устроенное над устьем (рис. 33—1). В некоторых местах встречались глухие печи, в толще потолка которых был устроен один или два дымохода, начинающихся за топкой и выходящих в переднюю стенку печи (рис. 33—2). Среди них встречались печи с двойным потолком, промежуток между которыми был заполнен камнями в виде каменки (рис. 33—3). Такие печи, являющиеся по своему устройству нечто промежуточное между глухой печью и печкой-каменкой, встречались также и в жилых ригах северной части Латвии (Видземе).²⁷

Характерно то, что в Юго-восточной Эстонии, где глухая печь была господствующей, ее наружные стены далеко не всегда выводились через стены сруба наружу, как это наблюдалось при устройстве печей-каменок.

Сравнивая печку-каменку с глухой печью, можно легко заметить, что они являются совершенно различными и вероятно возникли и развивались на совершенно различных основах.

Некоторые исследователи эстонского сельского жилища считают, что глухие печи образовались путем переустройства печек-каменок, т. е. когда каменку сверху начали закрывать сплошным каменным потолком, отказываясь от устройства в ней самой каменки, и таким образом образовались глухие печи. Начало такого развития, т. е. переустройства печек-каменок в глухие печи, получило будто в Южной Эстонии, откуда он распространился дальше к северу.²⁸

Эти доводы однако противоречат имеющимся материалам, связанным с развитием печей. Во-первых, глухая печь является в Юго-восточной Эстонии старым типом печи и только во второй половине XIX в. там стали появляться новые типы печей, в частности печки-каменки.²⁹ Во-вторых, подробными исследованиями нигде не обнаружено следов переделывания печки-каменки в глухую печь путем ликвидации в ней ка-

менки. Верно, иногда имели место случаи, когда вместо старой печки-каменки ставили новую глухую печь, или наоборот, но в этом случае речь идет лишь о замене одного типа печи другим, а не о переделке. В-третьих, как установлено по археологическим материалам, полученным за последнее десятилетие, глухие печи в Юго-восточной Эстонии имеют весьма древнее происхождение.³⁰

II. ЖИЛАЯ РИГА В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

Издавна жилая рига была основным эстонским народным жилищем. Она служила как для жилья, так одновременно и для искусственной сушки хлебов. В центральной и западной частях Эстонии жилая рига выполняла кроме этого еще и функции бани.

К концу эпохи феодализма, т. е. к середине XIX века жилая рига состояла из трех основных частей: просторного и высокого жилого помещения, риги (туба, рехетуба), в которой сушили также хлеба; гумна, где производился обмолот, и каморы, которая была полужилым и полускладским помещением. В соответствии с особенностями материальной культуры эстонского народа в разных частях Эстонии — северной, южной и западной³¹ (см. рис. 59) и жилища имели свои местные особенности, которые еще отчетливо вырисовываются в памятниках народной архитектуры, дошедших до наших дней.

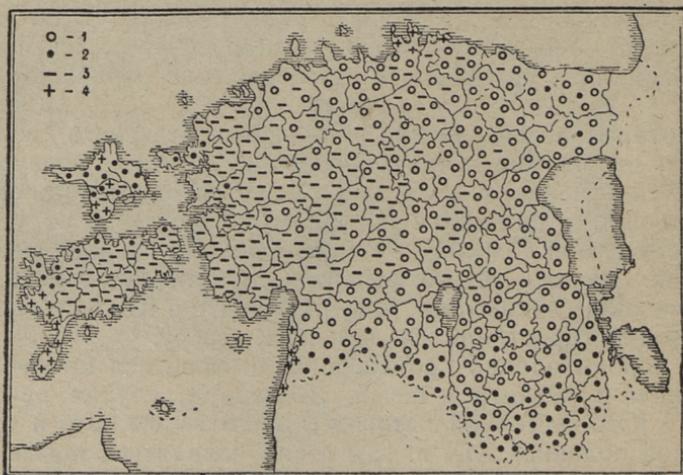

Рис. 34. Распространение типов жилой риги на территории Эстонии: 1 — северный тип, 2 — южный тип, 3 — западный тип, 4 — малораспространенный тип. (Составлено на основе материалов ЕМ VM и автора)

Ни более отчетливо это выявляется в архитектуре жилых риг, которые в соответствии с этим можно разделить на отдельные типы. На рис. 34 приведены границы распространения этих основных — Северо-, Южно- и Западно-эстонского типов жилой риги, которые в дальнейшем будем для удобства называть северным, южным и западным типом.

Ниже рассматриваются по памятникам народной архитектуры отдельные типы жилых риг, существовавших со второй половины XVIII века до 60-х годов XIX века, т. е. конца эпохи феодализма.

1. Северный тип жилой риги

В Харьюском районе (бывшем Куусалуском приходе) сохранилась старая, времен середины XVIII в., жилая рига (рис. 35), состоявшая из трех помещений: риги (30 м²), гумна (44 м²) и каморы (20 м²). Из них рига и гумно имели более или менее одинаковую высоту (2,5 м). Осенью, когда было необходимо производить искусственную сушку хлебов, в риге устанавливались временно колосники. Для этого в ригу вносились два круглых тонких бревна, концы которых упирались в пазы (рис. 36 а), вырубленные в стенах и конец вертикальной стойки (рис. 36 б). На эти балки, установленные горизонтально вдоль передней и задней стен на высоте 1,6 м от пола,

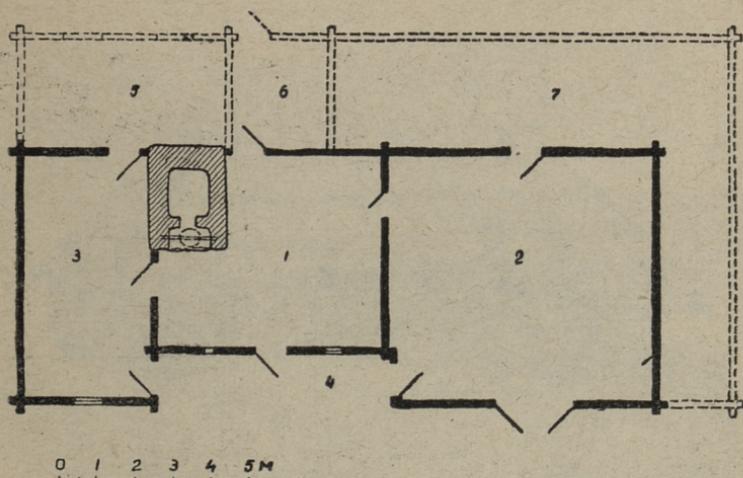

Рис. 35. План жилой риги. Харьюский р-н, д. Хирвли, дв. Хиндрику: 1 — рига, 2 — гумно, 3 — камора, 4 — удалуне (навес). Показанные пунктиром помещения: 5 — камора невесты, 6 — кладовая и 7 — мякинник, пристроены позднее. (Обмер автора 1960 г.)

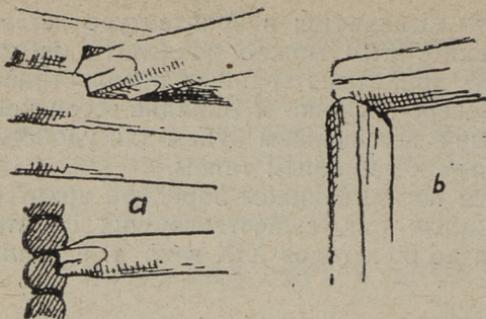

Рис. 36. Конструкция опоры для временных колосниковых балок

укладывались колосники, представлявшие собой толстые круглые жерди. Пространство от колосников до потолка заполнялось хлебами, которые сушились теплом печи. После окончания обмолота хлебов колосниковое устройство снималось и выносилось из риги.

Ко второй половине XIX в. в Вильяндиском районе (бывшем приходе Пайсту) сохранилась еще очень старая жилая рига, про которую А. Хейкель писал в 1887 г., что «ее возраст невозможно установить, что это было одним из старейших строений, которые встречались в Эстонии.³² А. Хейкель приводит довольно подробное описание ее, дает зарисовку (рис. 37) и устанавливает этапы развития этой жилой риги, из чего следует, что вначале она состояла только из двух помещений:

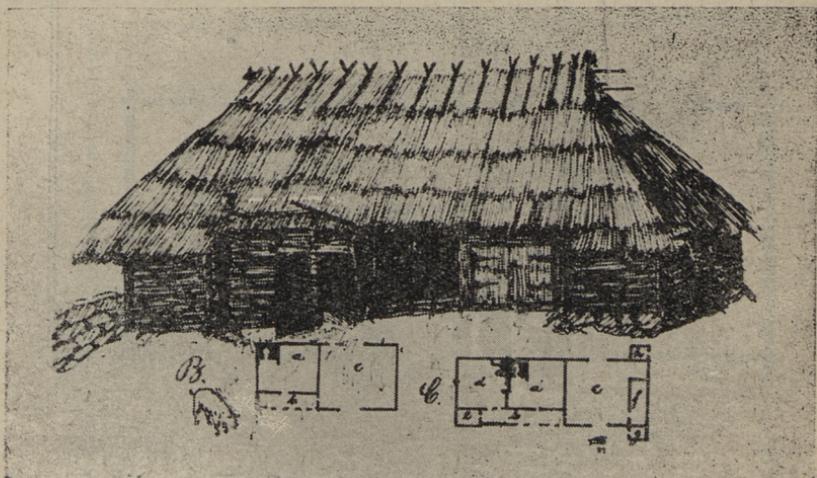

Рис. 37. Вид и планы жилой риги:
B — первоначальный план, а — план после перестроек. (По А. Хейкелю).

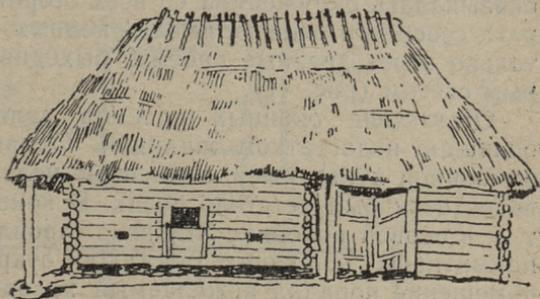
риги (а), перед которой был построен навес (b), и гумна (с). Примерно в начале XIX в. к ней была пристроена камора (d).³³

При описании этой старой жилой риги А. Хейкель обращает особое внимание на то, что двери, которые обычно прорубались в стене между ригой и гумном, здесь отсутствовали.

Учитывая то обстоятельство, что строительные приемы и формы жилищ развивались в эпоху феодализма очень медленно, и кроме того наряду с новыми более совершенными формами жилища сохранились довольно долго старые, более примитивные формы жилища, можно заключить, что упомянутые жилые риги являются примером древних жилищ подобного рода.

До наших дней сохранились лишь отдельные такие старые жилые риги. Обычно у жилых риг северного типа, относящихся к первой половине XIX века, высота жилого помещения — риги была значительно больше высоты смежного с ним гумна, а ширина гумна симметрично, по оси строения, значительно больше ширины риги. Чтобы подвести эти разные по высоте и ширине помещения под одну крышу, перед и за жилым помещением — ригой оставались широкие навесы, которые использовались для устройства небольших подсобных помещений, как-то сеней, мякинника, кладовой и др.

Рис. 38. Передний фасад жилой риги. Йыгеваский р-н, д. Раадя, дв. Тыну. (По ЕМ. ЕИ. 4:16,25).

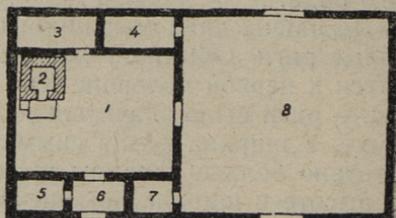

Как уже указывалось, жилые риги середины XIX в. состояли из трех основных помещений: риги, гумна и камеры. Однако встречались и такие, у которых каморы еще отсутствовали. Одна из них (рис. 38) описана в 1923 году Эстонским народным музеем в Йыгеваском районе (бывшем приходе Торма), в записях которого говорится, что сейчас она служит только ригой, а раньше была и жилищем, примерно 60 лет назад к ней была пристроена камора (показано на рисунке пунктирной линией), которая была позднее разрушена.³⁴

На рис. 39 показано постепенное развитие планировки одной жилой риги в северной части Эстонии. Вначале, в 1829 г., она не имела каморы (рис. 39-1). Широкий навес за ригой использовался для устройства мякинника (4) и кладовой (5). Позднее к риге пристроили камору (рис. 39-II-8), которая использовалась в основном в качестве кладовой.³⁵

В описании этой жилой риги заслуживает особого внимания следующая деталь: дверь, которая ведет из риги в гумно (т. е. дверь в стене между ригой и гумном), была небольшой, ее называли малой дверью, порогом служило второе снизу бревно сруба венца.³⁶ Эта особенность является характерной для жилых риг северного типа.

Рис. 40. План жилой риги:
1 — рига, 2 — печка, 3 и 5 — кладовые, 4 и 7 — мякинники, 8 — гумно. ЕМ, ЕЖ 1:7)

Если к жилой риге, широкие навесы которой как перед, так и за ригой использовались для устройства небольших подсобных помещений (рис. 40), пристраивалась камора, то рига оказывалась окруженной со всех сторон помещениями. Такая рига северного типа не имела оконных проемов и освещалась только через дверные проемы, выходящие в сени, т. е. вторым светом (рис. 41).

Отсутствие оконных проемов является в наше время большим недостатком жилища. Однако учитывая уровень жилищной культуры и жизненные условия того времени этот недостаток был не столь велик. В конце эпохи феодализма, т. е. в первой половине XIX века строились небольшие весьма примитивные волоковые окна. При открывании такого окна в помещение попадал нежелательный холодный воздух. Во время же топки печи или разведения огня в очаге для удаления дыма было необходимо открывать наружные двери, закрывая при этом во избежание сквозняка волоковые окна и довольствуясь в это время светом, проникающим через открытые двери. Для выпуска дыма и освещения помещения у наружных дверей устраивались двойные полотна: внутреннее — закрывающее дверной проем целиком, и наружное — закрывающее только нижнюю половину проема, и поэтому можно было обходиться и без окон. Тем более, что помещение риги, окруженное со всех сторон другими помещениями, защищавшими его

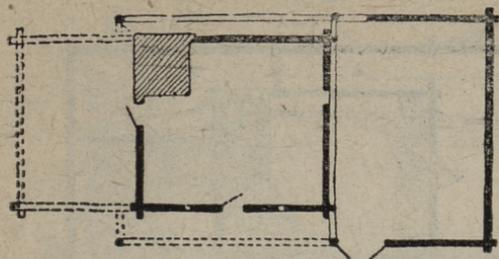

Рис. 38-а. План жилой риги на рис. 38.

Рассматривая план и передний фасад этой жилой риги, можно заметить, что срубы риги и гумна не являются единой конструкцией, а стены гумна соединены со срубом риги при помощи вертикальных соединительных столбов, что указывает на древнюю традицию пристройки стен гумна к срубам риги.

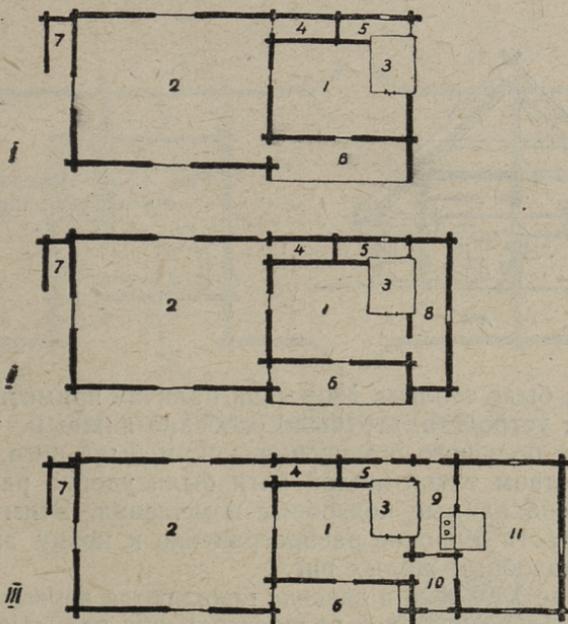

Рис. 39. Развитие плана жилой риги. Зона гор. Кохтла-Ярве, д. Кохтла:

I — первоначальный план (1829 г.). *II* — в середине XIX в. была пристроена камора. *III* — план после перестроек, произведенных в начале XX в. *1* — рига, *2* — гумно, *3* — печь, *4* — мякинник, *5* — кладовая, *6* — удулуне (навес), *7* — уборная, *8* — камора, *9* — кухня, *10* — сени, *11* — жилая комната.
(По ES. КТ 82. стр. 47)

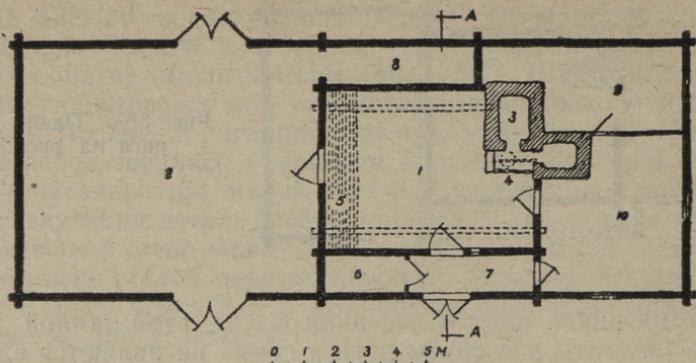

Рис. 41. План жилой риги. Харьюский р-н, д. Аллика, дв. Каламатсу:

1 — рига, 2 — гумно, 3 — печка, 4 — открытый очаг, 5 — колосники,
6 — кладовая, 7 — сени, 8 — мякинник, 9, 10 — жилые комнаты.
(Обмер автора 1958 г.)

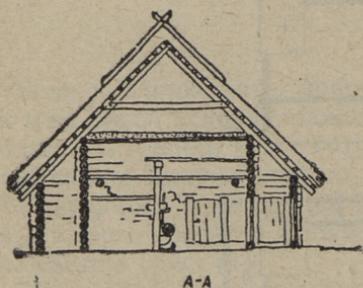

Рис. 41-а. Поперечный разрез
жилой риги на рис. 41.

от холода, было теплым. Учитывая наличие примитивных отопительных устройств, это было особенно важным, тем более для такого большого помещения, каким была рига. Большим преимуществом такой жилой риги были удобно расположенные все необходимые подсобные помещения. Этим и объясняется отчасти широкое распространение к концу эпохи феодализма подобных жилых риг.

В начале XIX века в деревне появляются первые остекленные окна, более широкое распространение получают они, однако, только во второй половине XIX века. Для устройства оконных проемов в риге, окруженной со всех сторон помещениями, было необходимо хотя бы с одной стороны убрать помещения. Обычно для этого помещения, расположенные перед ригой, ликвидировались и там образовывался широкий навес — улуалуне (рис. 42).

Рис. 42. Вид жилой риги. Харьюский р-н, д. Лагеди, дв. Кооли:
 1 — рига, 2 — гумно, 3 — камора, 4 — мякинник, 5 — склад кормовых запасов,
 6 — улуалуне (навес), 7 — печка. (Обмер и рисунок автора 1949 г.)

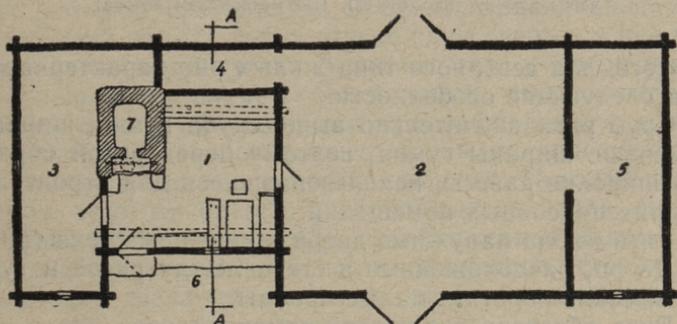

Рис. 42-а. План жилой риги на рис. 42

Рис. 42 в. Поперечный разрез
 жилой риги на рис. 42

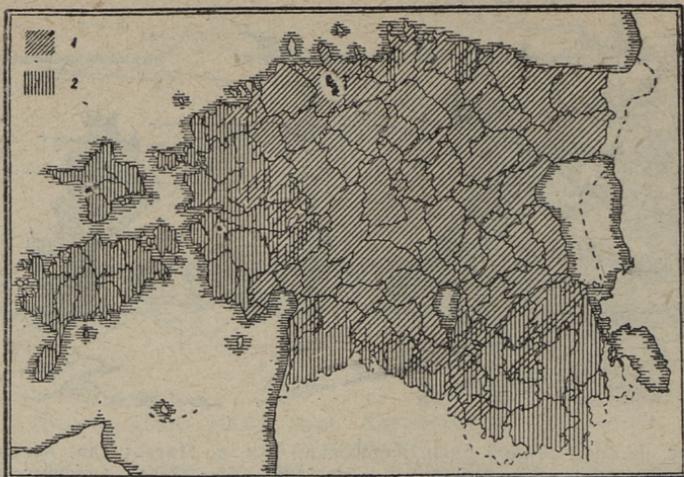

Рис. 43. Расположение наружных дверей у жилых риг:
 1 — двери расположены в передней стене риги, 2 — рига в передней
 стене дверей не имеет, вход в нее осуществляется через гумно или
 через камору (рис. 61—62). (По материалам автора)

В итоге, для северного типа жилых риг характерными являются следующие особенности.

1. Сруб риги значительно выше сруба гумна, ширина же риги меньше ширины гумна, поэтому перед ригой образовывались широкие навесы, использовавшиеся для строительства небольших подсобных помещений.

2. Рига имела наружные двери в передней стене (рис. 43).

3. Двери, расположенные в стене между ригой и гумном, имели высокие пороги и малые проемы.

4. Рига обогревается печкой-каменкой.

5. Стены печки-каменки всегда прорезают стены сруба риги и выходят наружу.

6. Бревенчатый потолок риги в большинстве случаев настился перпендикулярно строению.

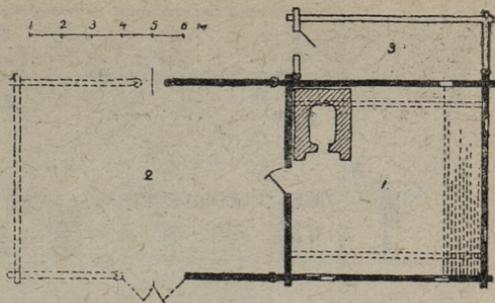
7. Перед ригой имелся часто широкий навес — улуалуне.

2. Южный тип жилой риги

Если не считать северной части Латвии, жилая рига южного типа распространена по сравнению с северным типом на меньшей территории (рис. 60).

В Выруском районе сохранилась очень старая жилая рига (рис. 44), строительство которой относится, по меньшей мере, ко второй половине XVIII века. Вначале эта рига состояла из

Рис. 44. План жилой риги. Вы-
русский р-н, д. Обиница,
дв. Лыхмусе:
1 — рига, 2 — гумно, 3 — камора
(пристроена позднее). (Обмер ав-
тора 1960)

двух помещений: риги-таре (1), приспособленной и для сушки хлебов, и гумна (2), где производился обмолот. Оба эти помещения были одинаковыми по ширине и высоте, т. е. сруб гумна был поднят на такую же высоту, как и у риги. Эта особенность является характерной для жилых риг южного типа.

Площадь этой, жилой риги равнялась примерно 38 м^2 , высота 3,5 м. Помещение риги освещалось пятью волоконными окнами, которые сохранились в своем первоначальном виде до наших дней. В ригу ведут только одни двери и в нее можно попасть только через гумно. В левом углу у двери расположена большая глухая печь без каменки, стены которой не прорезают стен сруба риги, как это наблюдалось в случае печки-каменки. Подколосниковые балки расположены здесь также вдоль передней и задней стены риги. Потолок построен из тонких круглых бревен, расположенных вдоль строения. Пол глинобитный. Камора (3), расположенная рядом с ригой, пристроена позднее. В двух противоположных стенах гумна имеются для создания сквозного ветра, необходимого для веяния зерна, просторные ворота.

Жилая рига, построенная в конце XVIII в. (рис. 45), состояла вначале также только из двух помещений — риги и гумна, имевших одинаковую высоту, равную 3,8 м и ширину равную 7 м. В семидесятых годах XIX в. к торцевой стене риги была пристроена камора, имевшая в передней стене самостоятельные входные двери. Чтобы подвести сруб каморы под одну крышу с ригой и гумном, его строили такой же высоты, как и сруб избы. Но так как строить помещение каморы выше 2,5 м не было практической необходимости, то над ее потолком оставалось окруженное срубом чердачное помещение, вход в которое строился в виде четырехугольного лаза, расположенного над наружными дверями каморы. После пристройки каморы в стене между каморой и ригой делался дверной проем, и таким образом в ригу можно было попасть

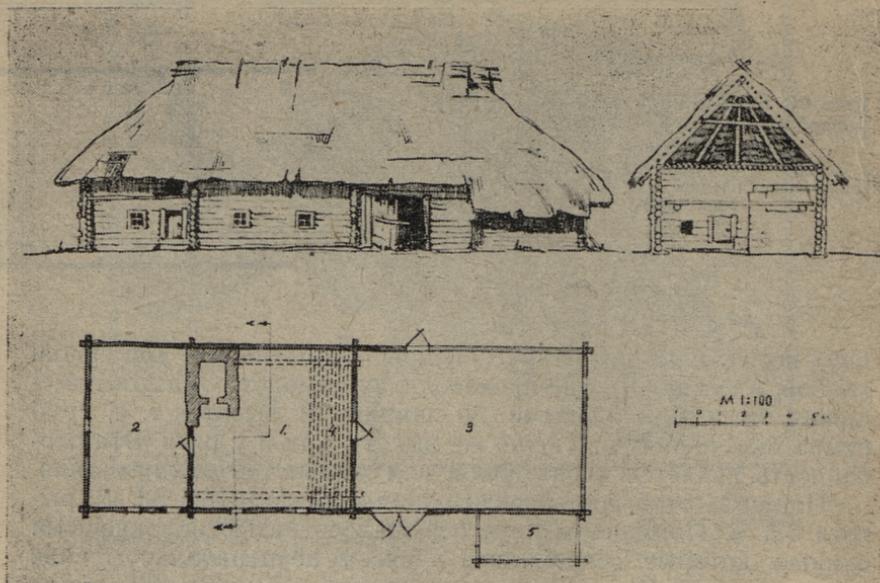

Рис. 45. Фасад, план и поперечный разрез жилой риги. Вырусский р-н.
Пераметсаский с/с, дв. Кэса:
1 — рига, 2 — камора (пристроена позднее), 3 — гумно. (Обмер автора 1952 г.)

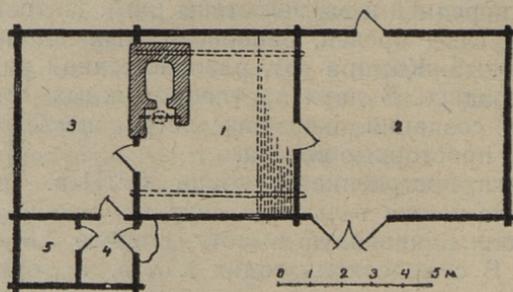

Рис. 46. План жилой риги. Вырусский р-н, д. Кокэ.
дв. Орава:
1 — рига, 2 — гумно, 3 — камбер, 4 — сени, 5 — кладовая.
(Обмер автора 1952 г.)

или через камору или попережнему через гумно, причем последнее начали применять лишь в хозяйственных целях.

Жилая рига двора Орава, построенная примерно в середине XIX века (рис. 46), отличается от предыдущей лишь тем, что все три помещения — камора, рига и гумно построены од-

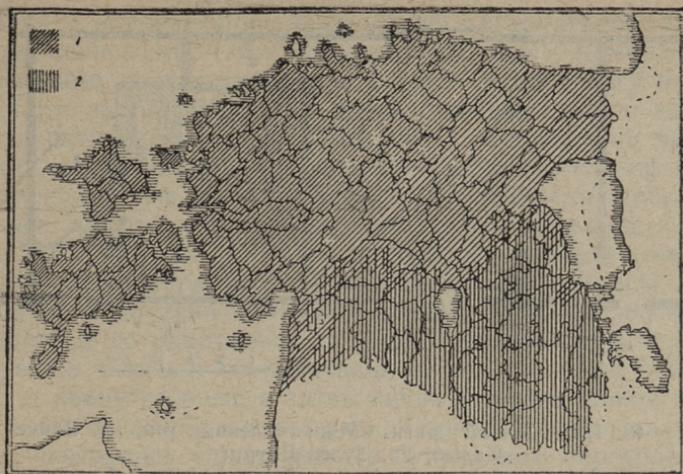

Рис. 47. Распространение терминов:
1 — туба, 2 — таре. (По материалам автора)

новременно. Кроме того, перед дверями в камору построены сени и кладовая.

Несмотря на то, что остров Хийумаа расположен сравнительно далеко от юго-восточной материковой части Эстонии, как на острове, так и в этой части материка строились одинаковые риги. Это связано очевидно с историей заселения острова, которое происходило в основном за счет островов Сааремаа и Муху.³⁷ Это обстоятельство указывает между прочим и на то, что на этих островах до XIII века, т. е. до переселения отсюда населения на остров Хийумаа, господствовал тип жилой риги, близкий к южному.

Отсюда, характерными особенностями жилых риг южного типа являются следующие.

1. Помещения риги и гумна имеют одинаковую ширину и высоту.

2. В передней стене риги отсутствуют наружные двери (рис. 43).

3. Вход в ригу устраивался через гумно, а после пристройки каморы — как через гумно, так и через камору.

4. В жилой риге в большинстве случаев применялась глухая печь.

5. Стены глухой печи в Юго-восточной части Эстонии обычно не прорезали стен сруба и не выходили наружу.

6. Бревна потолка риги настилались большей частью параллельно строению.

7. Жилая рига не имела навесов — улуалуне.

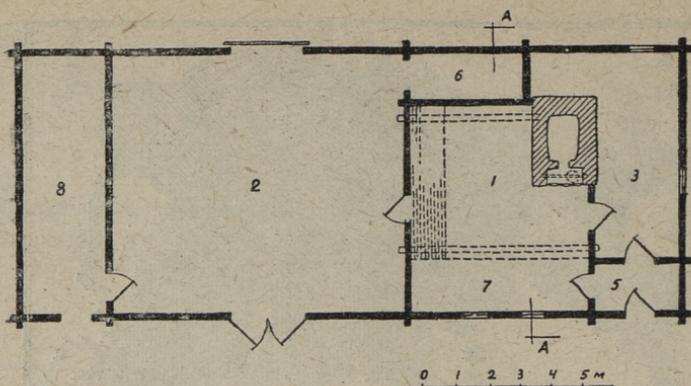

Рис. 48. План жилой риги. Мярьямааский р-н, д. Вяйке-Калью, дв. Тулги-Лаури:

1 — рига, 2 — гумно, 3 — камора, 4 — печка, 5 — сени, 6 — мякинник, 7 — лийгтуба, 8 — склад кормовых запасов. (Обмер 1959 г.)

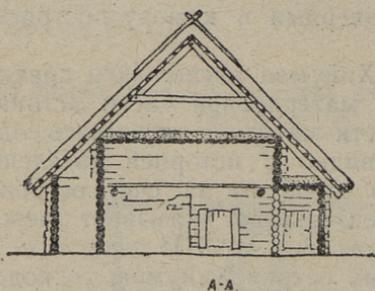

Рис. 48-а. Поперечный разрез жилой риги на рис. 48

Сравнивая эти особенности с особенностями жилых риг северного типа, видим, что они резко различаются между собой.

Границы распространения жилой риги южного типа были в прошлом значительно шире, т. е. они распространились дальше к северу.³⁸ Возможно, что ее границы в прошлом имели такое же распространение, как термин «таре» (рис. 47), принадлежащий к южно-эстонскому диалекту.

3. Западный тип жилой риги

Типичным представителем этого типа может служить жилая рига, сохранившаяся в Мярьямааском районе и приведенная на рис. 48. Она была построена в первой половине

ХІХ века. С одной стороны риги (30 м²) располагалось просторное помещение гумна (70 м²), с другой стороны — камора (20 м²) с небольшим пространством за печкой. Вход в ригу был устроен через гумно или сени, расположенные перед каморой. Высота риги около четырех метров, т. е. примерно на 1,5 м выше окружающих его помещений. Чтобы разместить под одной крышей столь различной высоты помещения, рига располагалась, как и в случае северного типа, посередине. Однако, чтобы рига не была из-за этого темной, передняя ее стена имела в поперечном разрезе коленчатую форму (см. разрез рис. 48-а). Эта стена строилась вначале вертикально в одной плоскости и до одинаковой высоты со стенами срубов гумна и каморы, а затем в горизонтальном направлении, примерно на 1,5 м вовнутрь риги, а затем вкось в вертикальной плоскости до необходимой высоты риги. Горизонтальная часть этой стены называлась «лииглаги» (в буквальном переводе «лишний потолок»), а пространство под ним «лиигтуба» (в буквальном переводе «лишняя изба»). При помощи такого кон-

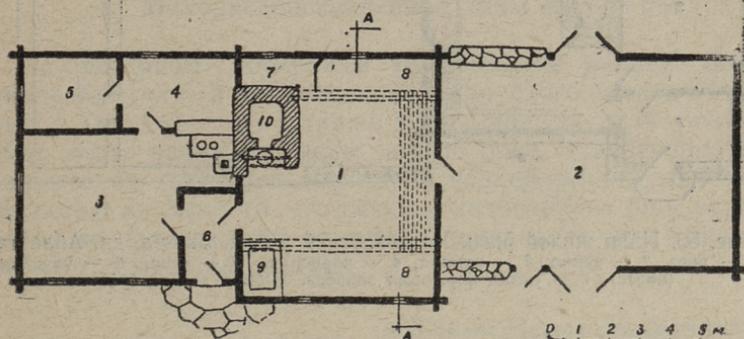
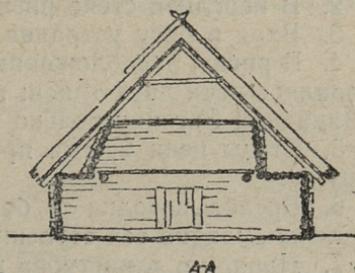

Рис. 49. План жилой риги. Кингисеппский р-н, д. Паатса, дв. Тийду: 1 — рига, 2 — гумно, 3, 4 — жилые комнаты, 5 — кладовая, 6 — сени, 7 — кладовая, 8 — лиигтуба, 9 — каменное корыто, 10 — печка. (Обмер автора 1961 г.)

Рис. 49-а. Разрез жилой риги на рис. 49

структивного приема часть передней стены риги оставалась наружной и в ней можно было прорубить окна.

«Лиигтуба» строилась нередко одновременно как в передней, так и задней стенах риги (рис. 49).

Наличие подобных «лиигтуба» и является наиболее характерной особенностью жилых риг западного типа. Необходимо также отметить, что на территории распространения риг западного типа нередко жилые риги, не имевшие «лиигтуба». У них перед избой устраивался широкий навес — улуалуне, как у риг северного типа, однако отличавшийся от них тем, что в передней стене отсутствовали характерные для северного типа наружные двери (рис. 50). Иногда встречались жилые риги, имевшие и «лиигтуба» и навес-улуалуне; первая располагалась обычно за, а второй перед ригой.

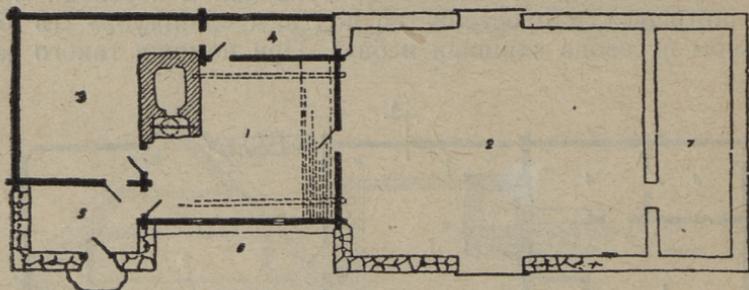

Рис. 50. План жилой риги. Хаапсалуский р-н, д. Выхма, дв. Аяаотса: 1 — рига, 2 — гумно, 3 — камора, 4 — кладовая, 5 — сени, 6 — улуалуне (навес), 7 — склад кормовых запасов. (Обмер автора 1952 г.)

Для жилых риг западного типа были характерными следующие особенности.

1. Высота риги значительно больше высоты гумна. Перед, за или с обеих сторон риги устраивались «лиигтуба».

2. В передней стене риги наружных дверей не имелось.

3. Вход в ригу устраивался через гумно или камору.

4. В ригах, расположенных на островах Сааремаа и Муху, строились печи двух типов: печи-каменки и глухие, тогда как в Западной Эстонии только печи-каменки.

5. Стены печи всегда прорезали стены риги и выходили наружу.

6. Бревна потолка в большинстве случаев настилались перпендикулярно оси строения.

7. Наряду с «лиигтуба» встречались и навесы-улуалуне.

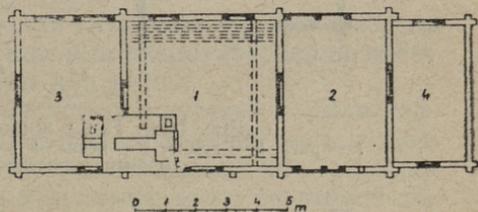
При сравнении этих особенностей с особенностями жилых риг северного и южного типов видим, что некоторые из них совпадают с особенностями северного, некоторые с особенностями жилых риг южного типа. Исходя из этого можно предположить, что формирование западного типа жилой риги происходило очевидно в течение длительного времени под влиянием традиций строительства жилых риг северного и южного типов. Обычай строительства «лиигтуба» возник возможно уже в далеком прошлом и достиг наибольшего развития на островах Муху и Сааремаа примерно в XVIII в., когда экономический уровень на островах был выше, чем на материке.³⁹

Как известно, остекленные окна появились здесь уже в XVIII веке, это же, в свою очередь, могло стимулировать строительство «лиигтуба». С острова Сааремаа «лиигтуба» постепенно перекочевала в Западную Эстонию и отсюда дальше на восток. В центральной и северной частях Эстонии старые люди еще помнят о появлении первых «лиигтуба».

4. Малораспространенные типы жилых риг

На северном побережье (Харьуского района, бывший приход Куусалу) и на побережье Пярнуского залива (бывший приход Хяадемеэсте), а также в западной части острова Сааремаа были распространены жилые риги, значительно отличающиеся от вышеприведенных. Основной отличительной особенностью их было то, что печка и колосники в риге располагались не поперек, как во всех вышеприведенных типах жилой риги, а вдоль строения.

Рис. 51. План жилой риги.
Харьуский р-н, д. Тапурла,
дв. Матюксе:
1 — рига, 2 — кода (гумно), 3 —
камора, 4 — кладовая (камора).
(ЕМ. ЕЖ 89:12)

Жилая рига с северного побережья, планировка которой приведена на рис. 51, построена в 1725 году. Вначале она состояла из двух помещений: риги (1) и кода (гумно) (2). Оба эти помещения были одинаковой ширины и примерно одинаковой высоты (около 2 м). Гумно, где производился обмолот хлеба, было сравнительно небольшим и не имело потолка. Позднее, в 1840 г., к торцевой стене риги была пристроена ка-

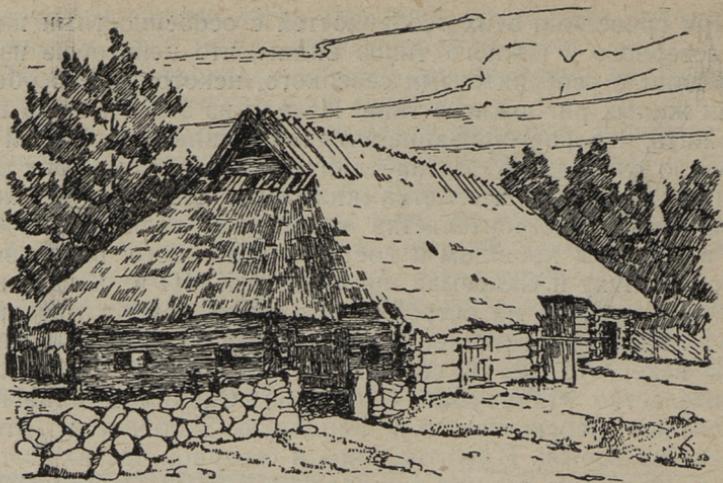

Рис. 52. Вид жилой риги. Кингисеппский р-н, д. Ляэдри, дв. Рооста

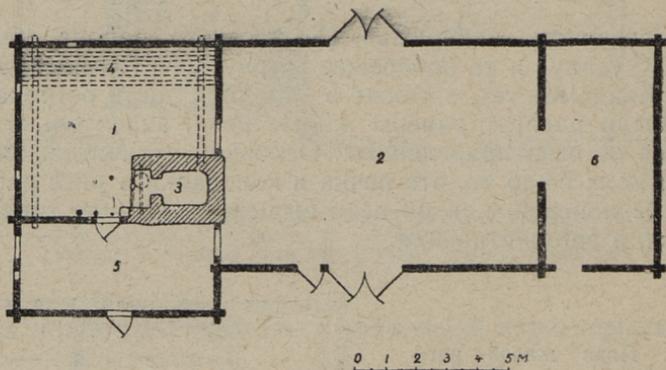

Рис. 52-а. План жилой риги на рис. 52:
1 — рига, 2 — гумно, 3 — печка, 4 — колосники, 5 — камора, 6 — хлев.
(Обмер и рисунок автора 1959 г.)

мора (3), еще позднее кладовая (4), или т. н. «кодакамбер», которая использовалась в основном для хранения пищевых продуктов. Такая пристройка у данного типа жилых риг встречается только на северном побережье и, возможно, появились здесь под влиянием финской жилищной культуры.⁴⁰

У жилых риг на побережье Пярнуского залива (Хяадемэсте) рига и гумно имеют одинаковую высоту (3—3,5 м) и ширину. У жилых риг западной части Сааремаа (Ансеюла,

Ямая, Кихельконна) перед (рис. 52) или за ригой имеется узкое помещение каморы (рехекамбер) (5), что является отличительной особенностью жилых риг этого района.

III ЖИЛАЯ РИГА В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА

В 60-х годах XIX века в Эстонии начался переход от феодально-крепостнического строя к капиталистическому. Этот переход осуществлялся в условиях сохранения хозяйственного и политического господства помещиков.

Мызники, становясь на путь капиталистического развития, для изыскания средств, необходимых для приобретения сельскохозяйственных орудий и рабочего скота, начали продавать крестьянские дворы. Но так как предпосылкой для выкупа дворов было развитие в деревне торговых отношений, то эта продажа происходила в различных частях Эстонии поразному.

Продажа крестьянских дворов в южной части Эстонии осуществлялась гораздо интенсивнее, чем в северной. Если, например, в Южной Эстонии за 25 лет (1867—1892) было продано около половины всей крестьянской земли, а к 1897 г. уже 87%, то в Северной Эстонии к 1881 г. было продано только 11,6% крестьянской земли и к концу столетия свыше половины.⁴¹ Такое различие объяснялось тем, что Южная Эстония, где имелись лучшие пахотные земли и выращивался в широких масштабах лен для рынка, ушла вперед в своем экономическом развитии; в Северной же Эстонии, где имелись скудные пахотные земли, товарно-денежные отношения развивались медленнее и наряду с денежной рентой дольше сохранялась отработочная.

Выкупить крестьянские земли могли в первую очередь арендаторы крупных дворов, которые эксплуатировали наемный труд и производили товары для рынка.

Несмотря на то, что остатки крепостничества и были тормозом в развитии капиталистических отношений, в сельском хозяйстве они открыли более широкие возможности для роста производительных сил и в результате этого во второй половине XIX в. сельское хозяйство становилось все более рентабельным. Это обстоятельство способствовало некоторому повышению жизненного уровня крестьян, более быстрому развитию строительной техники и жилищ. Начали применяться новые строительные материалы, как то кирпич, пиломатериалы, а также более рациональные инструменты, как например поперечная пила и др. Чаще начали употребляться остекленные окна и дымовые трубы, в результате жилища ста-

новились светлыми и бездымными. Для приготовления пищи начали строить вместо открытых очагов плиты, в каморе обогревательные стены и она превращалась в постоянное жилое помещение. На смену лучине постепенно стала приходиться керосиновая лампа и т. д.

Однако, это развитие зависело от экономического положения крестьян, которое из-за резкой дифференциации на селе становилось все более контрастным. Наиболее состоятельные крестьяне становились собственниками дворов и арендаторами. Они образовывали немногочисленную верхушку сельской буржуазии, которой принадлежало около половины всей крестьянской земли. Эстонский кулак, или как его называли в народе — «серый барон», превратился в безжалостного эксплуататора бедняцких и безземельных крестьян.

Часть крестьян — середняков превратилась в сельскую буржуазию, часть разорилась, увеличив число бедняков и безземельных.⁴² Прежние барщинные батраки и бобыли превращались в наемных сельскохозяйственных рабочих.

Эту острую дифференциацию в деревне выразительно иллюстрируют следующие цифры: на основе произведенной в 1881 г. переписи населения в Северной Эстонии было 19727 дворовладельцев и арендаторов, 16426 мелких арендаторов и участков бобылей, 63464 дворовых и 15019 мызных батраков, т. е. 60% крестьян существовало за счет продажи своего труда.⁴³

В Южной Эстонии было 24206 дворохозяев, 32812 арендаторов и владельцев мелких дворов; 12407 бобылей, 71223 батрака и батрачек и 28429 мызных батраков. На острове Сааремаа, где капиталистические отношения развивались медленнее, дифференциация крестьян не была такой резкой, как в материковой части Эстонии.⁴⁴

В связи с таким расслоением крестьян развитие жилищ шло по-разному. Состоятельные крестьяне, и в первую очередь те, которые смогли выкупить дворы, начали быстро развивать строительную деятельность: осваивать новые строительные материалы и конструкции, совершенствовать старые и строить новые жилища, отвечающие требованиям времени. Условия жизни середняка, которые были в основном арендаторами, особенно в Северной Эстонии, оставались почти прежними. Арендаторы жили под постоянной угрозой разорения и потери земли. Они были вынуждены собирать для уплаты аренды каждую копейку. Страдая от постоянного недостатка земли, они готовы были приобрести на кабальных условиях хоть клочок «своей земли», чтобы осуществить свою вековую мечту. Из-за недостатка земли они были вынуждены даже в

самое страдное время батрачить всей своей семьей у помещика.

Так как земля и строения принадлежали помещику, а не арендатору, то и строительная деятельность арендатора полностью зависела от интересов и произвола помещика. Арендатор мог строить новые или ремонтировать старые постройки только с разрешения или по повелению помещика. Бывали случаи, когда помещик не давал разрешения на постройку в жилище дымовой трубы или даже штрафовал за это.⁴⁵

М. Веске писал в 1876 г., что эстонские крестьяне начали пристраивать к жилым домам трубы уже 55 лет назад. Однако, есть места, где только 1/6 до 3/4 жилых домов имеют трубы, в некоторых же местностях насчитывались лишь единичные трубы, а в некоторых они отсутствовали вообще.⁴⁶

По данным переписи населения 1881 г. в Эстляндской губернии были 39629 сельских жилищ. Из них имели трубы 9379, или 24,9% жилищ.⁴⁷ В бывшем уезде Ляэнемаа даже в начале XX в. встречались отдельные деревни, большинство жилых риг в которых не имело труб.

Устройство трубы и обогревательных стен являлось необходимой предпосылкой для дальнейшего развития жилой риги. Если раньше вся жизнь крестьянской семьи протекала в единственном курном жилом помещении риги (туба, таре), то после устройства дымовой трубы и обогревательных стен камора превратилась в постоянное, свободное от дыма, жилое помещение. При этом интересно отметить, что обогревательные стены довольно часто встречались еще до дымовых труб. В этом случае дым из печи в избе или из плиты направлялся через каналы обогревательной стены, которая находилась в каморе, обратно в помещение риги, откуда он выходил наружу через наружные двери.

После превращения каморы в постоянное жилое помещение эта часть жилой риги начала быстро совершенствоваться. Обычно обогревательная стена устанавливалась поперек каморы (рис 53), разделяя ее на две части, на две жилые комнаты. Передняя комната, которая по размерам была больше, использовалась как жилая, задняя, меньшая, как спальня. В более состоятельных дворах вместо каморы начали строить просторные комнаты с деревянными полами, остекленными окнами и т. д., и жизнь семьи перемещалась из риги в эти комнаты. В риге оставались жить, если имелись, только работники и работницы.

В связи с совершенствованием жилой риги в плановом решении строительства комнат появились типичные приемы. Наиболее излюбленным и типичным решением было такое,

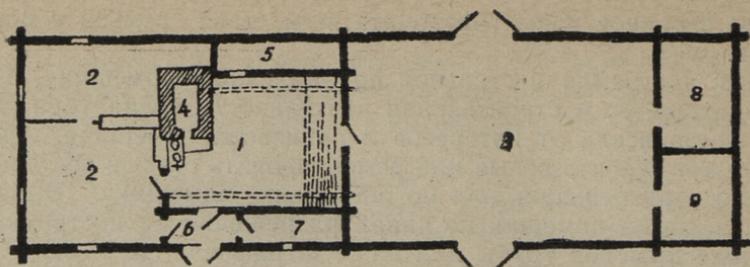

Рис. 53. План жилой риги. Харьюский р-н, д. Раазику, дв. Мяннику:
 1 — рига, 2 — жилые комнаты, 3 — гумно, 4 — печка, 5 — кладовая, 6 — сени
 7 — кладовая, 8 — хлев, 9 — мякинник. (Обмер автора 1952 г.)

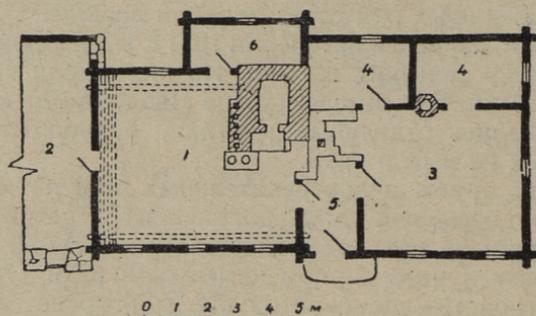

Рис. 54. План жилой риги (жилая часть). Кингисепский р-н, д. Лиигаласма, дв. Сасси:
 1 — рига, 2 — гумно, 3 — общая комната, 4 — спальня,
 5 — сени, 6 кладовая (АК)

когда рядом с одной большой комнатой, предназначенной для всей семьи, располагались 2—3 маленькие комнаты, используемые как спальни (рис. 54).

В общей же планировке жилой риги довольно устойчиво сохранялись унаследованные от старых времен особенности, характерные для жилых риг того или иного типа. Так например в некоторых жилых ригах северного типа, несмотря на то, что вместо каморы уже было построено 2—3 жилых комнаты, вход в них осуществлялся по-прежнему через ригу или сени, расположенные перед ригой. В жилых же ригах южного типа камора, или построенные вместо нее жилые комнаты, имели всегда свою отдельную наружную дверь.

В конце XIX века начали строить жилые риги с кухней. Последняя занимала в планировке жилой риги место между жилыми комнатами и ригой (рис. 55). С появлением в жилой риге кухни появилось два очага, на кухне и в риге. Первый

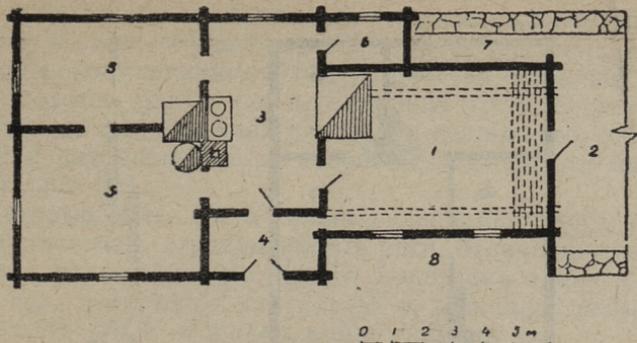

Рис. 55. План жилой риги (жилая часть). Харьюский р-н, д. Лагеди, дв. Тэрра:
 1 — рига, 2 — гумно, 3 — кухня, 4 — сени, 5 — жилые комнаты, 6 — кладовая, 7 — мякинник, 8 — улуалуне (навес). (Обмер автора 1952)

из них строился по новому из кирпича, или даже кафеля, имел дымовую трубу, второй же по старой традиции, — из природных камней и без дымовой трубы. В таких жилых ригах изба использовалась только как подсобное хозяйственное помещение.

В тех жилых ригах, где под постоянное жилое помещение была перестроена только камера или построено вместо нее

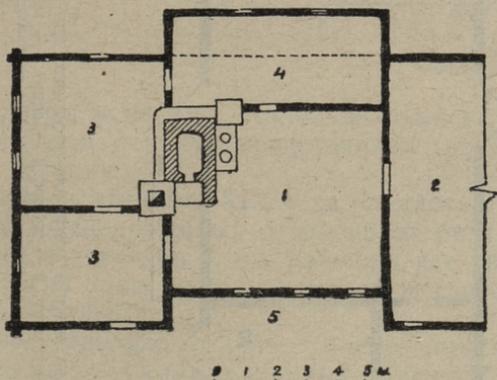

Рис. 56. План жилой риги (жилая часть). Кингисеппский р-н (остров Муху), д. Паласмаа, дв. Михкли:
 1 — рига, 2 — гумно, 3 — жилые комнаты, 4 — задняя камера, 5 — улуалуне (навес) (АК)

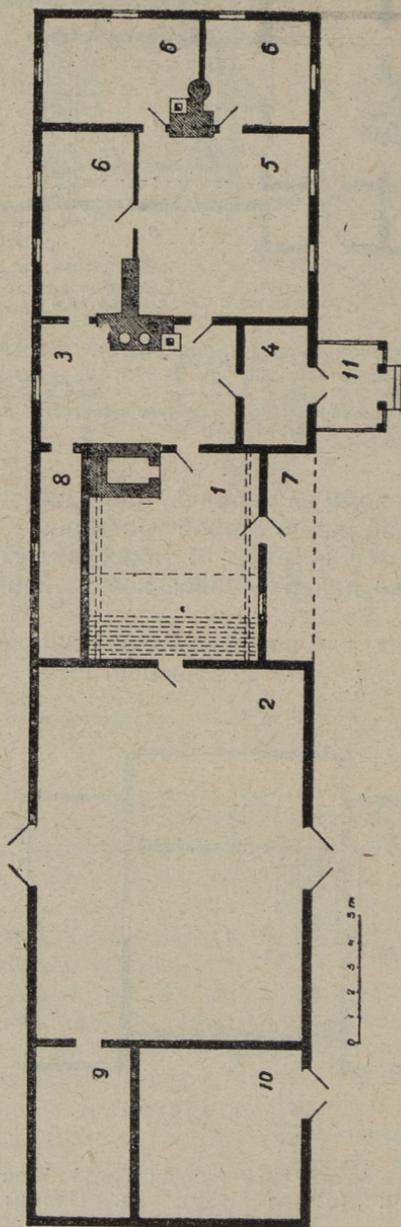

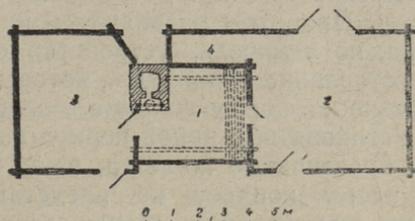
Рис. 57. План жилой риги зажиточного двора. Иыгеваский р-н, д. Мыйзакюла, дв. Суурепоома:
 1 — рига, 2 — гумно, 3 — кухня, 4 — сени, 5 — гостиная, 6 — жилые комнаты, 7 — укладне (навес), 8 — кладовая, 9 — мк-
 кинник, 10 — конюшня, 11 — крыльцо. (Обмер автора 1952 г.)

только две жилых комнаты, рига оставалась по-прежнему основным жилым помещением. Ее подвергали только некоторому совершенствованию путем устройства остекленных окон, дымовой трубы, плиты и т. д. Довольно часто, с увеличением числа членов семьи, жилая площадь расширялась за счет перестройки находящегося за избой мякинника или маленькой каморы (рис. 56).

Некоторые более состоятельные крестьяне, чтобы блеснуть своим богатством, строили жилые риги, отличавшиеся своими большими размерами. На рис. 57 приведена одна из таких жилых риг. Ее длина достигает 48 м, площадь избы равна 60 м², гумна 150 м² и жилых комнат 110 м².

Как уже было указано выше, основную массу крестьян в конце XIX века составляли бедняки и безземельные крестьяне, жилищные условия которых были крайне убогие. Их жилища представляли собой обычно маленькую примитивную жилую ригу (рис. 58), состоящую из риги, холодной каморы и гумна, которое использовалось под хлев. Рига, площадь которой едва достигала 15 м², была обычно курной, т. е. не имела дымовой трубы.

Рис. 58. План жилой риги («ба-ни» бедняка). Хаапсалуский р-н, д. Аллика, дв. Пайсу;
1 — рига, 2 — гумно, 3 — камора,
4 — мякинник. (Обмер арх. А. Кул-леркуп)

Таким образом к началу XX в. крестьянская жилищная культура эстонской деревни представляла собой довольно контрастную картину.

В последние десятилетия XIX века началось строительство жилых домов, расположенных отдельно от риги. Это проходило довольно интенсивно в тех районах, где экономическое развитие достигло более высокого уровня и где выкупленных дворов имелось больше.

Построенное отдельно от риги жилище того времени состояло обычно из 2—3 комнат и кухни. В основу их планировки часто бралась планировка жилой части жилой риги. Наиболее состоятельные крестьяне строили жилища, подражая поселковой и городской архитектуре.

Расположенные отдельно от жилища риги состояли из двух помещений: риги и гумна. При этом планировка и объем-

ное решение этих риг соответствовали уже выработанным в эпоху феодализма типам жилых риг.

Во второй половине XIX века происходило совершенствование не только плана и внутреннего устройства жилой риги, но и значительное изменение ее внешнего архитектурного облика. Это было обусловлено тем, что все большее распространение получали новые, более совершенные строительные материалы и конструкции, значительно увеличились размеры оконных и дверных проемов. Крыши жилых риг начали покрывать щепой и гонтом и четырехскатные крыши все стали заменяться двускатными. Больше появилось угловых врубок без остатка, обшивки стен тесом и т. д. Все это придавало жилой риге более строгие геометрические очертания.

IV. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩА

Жилище, как существенная часть материальной культуры народа, развивалось в зависимости от характера хозяйственной жизни, социальных отношений, климатических условий, этнических традиций, влияния культуры соседних народов и т. д. При этом развивались не только формы самого жилища, но и мебель, устройство очагов, средства отопления, приготовление пищи и др., которые в свою очередь оказывали влияние на форму жилища в целом.

Установить, в какой период появились у эсто-ливских племен бревенчатые жилища, из-за недостаточности материалов по этому вопросу не представляется возможным и поэтому можно лишь высказать некоторые предположения. Весьма вероятно, что угро-финские племена, которые жили в середине I тысячелетия д. н. э. на обширной территории северной лесной полосы Восточной Европы от бассейнов верхней Волги и Оки до восточного побережья Балтийского моря в суровых климатических условиях и обилии леса, на весьма ранних ступенях развития строили жилища в виде бревенчатых срубов. Как показывают материалы археологических раскопок, бревенчатые срубные строения имелись у угро-финских племен уже в конце I тысячелетия до н. э. Жилища дьяковской культуры⁴⁸, относящиеся к началу I тысячелетия, представляли собой низкие срубы, некоторые из них с несколько углубленными на 35—55 см. полом. В середине пола располагались очаг или печка-каменка⁴⁹.

Возможно, что эсто-ливские племена, материальная культура которых имела много общего с дьяковской культурой, жили в тот период также в наземных срубных жилищах.

У восточных групп угрофинских племен, проживавших в области Волго-Окского междуречья, по крайней мере уже в середине I тысячелетия н. э. было распространенным наземное бревенчатое срубное жилище березняковского⁵⁰ типа⁵¹, истоки которого уходят в глубь истории, за пределы нашего летоисчисления. Как показывают исследования Е. И. Горюновой, березняковские жилища того времени были срубными наземными домами с несколько пониженным уровнем земляного пола. По краям небольшой ямы возводились деревянные стены в виде сруба, рубленного «в чашу» в 4—6 венцов, т. е. высотой от 0,8 до 1,6 м. В центре жилища или ближе к его задней стене помещался открытый очаг».⁵²

У эсто-ливских племен, которые по своему культурному уровню и хозяйственному развитию стояли в то время не ниже восточных угро-финских племен, должны были быть подобные же небольшие (12—15 м²) срубные жилища. Большие общинные дома, в виде бревенчатых срубов, характерные для родового общинного строя, возможно возникли уже в конце I тысячелетия до н. э.

Здесь интересно отметить, что более ранний тип основного строительного инструмента — топор у эстов в первую половину I тысячелетия был также втулчатым⁵³, как у угрофинских племен восточных групп того же периода. При этом область распространения втулчатого типа топора имела совершенно четкие границы, совпадающие с границами проживания угро-финских племен, вместе с летто-литовскими племенами.⁵⁴

Некоторое представление о характере жилищ эсто-ливских племен в период VI—VIII столетий можно получить на основе материалов археологических раскопок городищ Рыуге⁵⁵ и Кентескалнс⁵⁶.

Первое из них расположено в Южной Эстонии, второе — в Латвии на южной границе расселения эсто-ливских племен в середине I тысячелетия.⁵⁷ На основе этих материалов установлено, что жилища городища Рыуге представляли собой наземные бревенчатые строения с глинобитым полом площадью 12—20 м² и расположенным посередине очагом.

Примерно также были устроены и жилища селища, расположенного около городища Кентескалнс.

Для установления путей развития жилища особо важное значение имеют сведения о формах очагов, отопительных устройств и мест их расположения в жилищах. В древнем примитивном конусообразном жилище, как обогрев его обитателей, так и приготовление пищи производились в основном на открытом очаге. На следующей ступени развития в бревен-

чатом четырехугольном жилище очаг располагался также по середине пола, что было весьма характерным для жилища угро-финских племен.

Такое расположение очага было вызвано тем, что для того, чтобы согреться, люди располагались вокруг открытого очага и, во-вторых, из-за огнеопасности открытый очаг должен был располагаться подальше от деревянных стен и по возможности под наивысшим местом шалашеобразного перекрытия, что служило одновременно и крышей. Такие шалашеобразные крыши на более ранних ступенях развития упирались на столбы, установленные внутри помещения,⁵⁸ и утеплялись видимо мхом и древесной корой. Позднее устройство крыши постепенно усовершенствовалось: с устройством крыши на самцах и слегах исчезли внутренние столбы. Жилища городища Рыуге должны были быть покрыты крышей именно этой конструкции, поскольку никаких следов устройства опорных столбов внутри помещения не было обнаружено.

В какой период у эсто-ливских племен наряду с открытым очагом появились отопительные устройства в виде печей, пока сказать не представляется возможным. Археологическими раскопками, произведенными на селище, расположенном около городища Кентескалнс, было обнаружено много остатков печей-каменок, построенных из булыжника без применения в качестве связующего вещества глины. Устройство такой печи сходно с примитивной печкой-каменкой, которая встречалась в старых эстонских банях и рыбацких домах еще в начале XX-го века.

Есть основания предполагать, что угро-финские племена, в том числе и эсто-ливские научились в суровых климатических условиях уже на весьма ранних ступенях развития пользоваться теплом, аккумулированным в камнях, накаливаемых на огне. Это привело впоследствии к устройству печки-каменки, которая была для угро-финских народностей западной (дьяковской) группы весьма характерна. При этом возникновение печки-каменки было очевидно тесно связано с возникновением бани.

При рассмотрении архитектуры бани, рыбацких домов и курных изб мы обращали внимание на то, что некоторые данные народной мифологии, фольклора и языка, а также материалы исследования старых памятников народной архитектуры говорят о том, что функции бани и жилища были в прошлом тесно связаны между собой, а понятие самой бани нередко сливалось с понятием о жилище. Это явление конечно не может быть случайным. Весьма вероятно, что в условиях сурового климата северной лесной полосы для обогрева жи-

лица люди уже в глубокой древности научились пользоваться теплом горячего пара, получаемого от поливания водой раскаленных камней. Таким способом можно было натопить помещение. Вначале это делалось возможно только для лечения болезней путем парения и мытья тела, а затем это стало постепенно обычаем и неотъемлемой частью народного быта. Удовлетворение этих бытовых нужд обозначалось у эстонцев термином «saun», у финнов «sauna», у ливов «soopa». Языковое сходство этих терминов указывает на то, что обычай бани уходит в глубину истории, ко времени консолидации этих племен, которая относится к периоду культуры Асва, т. е. ко второй половине I тысячелетия до н. э.⁵⁹

Древность культуры бани, в свою очередь, указывает на древность печек-каменок, без которых немыслима парная баня. Следовательно печка-каменка у эстонцев неизменно существовала с древних времен до настоящего времени.

С достижением в жилищном строительстве уровня бревенчатого сруба и появления отопительного устройства в виде печки-каменки или глинобитной глухой печи, перед древними строителями встала новая проблема более длительного сохранения тепла в натопленном жилом помещении. Различные народы разрешали эту проблему по-своему: одни — славяне, эстонцы и др. — покрывали бревенчатый сруб жилища горизонтальным теплым потолком и затем подводили строение под крышу; финны, шведы и др. объединили крышу и покрытие (потолок) в одну конструкцию, отчего потолок внутри жилища имел наклон по скату крыши.

Если в жилищах типа летней кухни — кода открытый очаг или примитивную печку-каменку для лучшего распространения тепла стремились располагать посередине помещения, а из-за огнеопасности под высшей точкой покрытия, то с устройством горизонтального теплого потолка эта необходимость отпала, и поэтому печку стали для удобства устраивать у задней стены или в одном из углов. Расположение примитивной печки-каменки в непосредственной близости к деревянным стенам было огнеопасным, поэтому, как это уже упоминалось, часть деревянной стены, находившейся за печкой, уже во время возведения сруба строили из камня. В процессе дальнейшего развития эти каменные стены объединялись с печкой-каменкой в единую конструкцию и таким путем образовывалась типичная для народной архитектуры Эстонии печка-каменка, наружные стены которой всегда выходили через стены деревянного сруба наружу.

В материальной культуре эстонских племен в первых столетиях нашей эры сложилось три основных области, — Север-

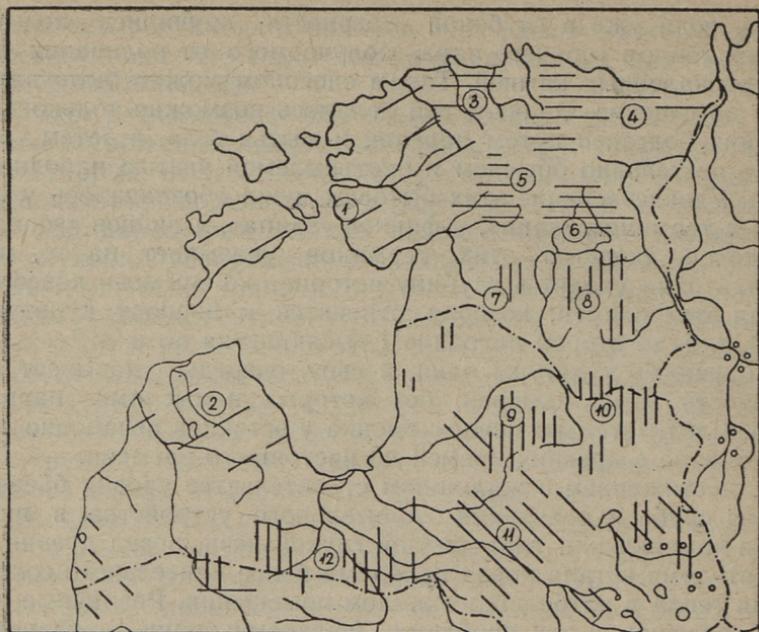

Рис. 59. Археологические культуры (культурные районы) эстонских племен в первой половине I тысячелетия н. э.: 1 — западноэстонская, 2 — курземско-ливская, 3 — таллинская, 4 — вирумааская, 5 — пайде-тюрическая, 6 — среднеэстонская, 7 — сакалаская, 8 — тартуская, 9 — койваская (гауяская), 10 — алулинская (алуксенская); культурные районы: 11 — латгалосельская и 12 — земгальская относятся к культуре балтийских племен. (По Х. Моора)

ная, Южная и Западная область. По своим особенностям они значительно отличались друг от друга⁶⁰ (рис. 59). Отличие в развитии материальной культуры этих областей в основных чертах совпадает с распространением основных типов жилых риг нашего времени (рис. 60). Это совпадение является очевидно не случайным и указывает на то, что возникновение различных типов жилых риг связано теми многими причинами, которые явились основой для возникновения и дальнейшего развития упомянутых отдельных областей материальной культуры.

Вначале нашего летоисчисления земледелие у всех балтийских племен, в том числе и эстонских, стало основной отраслью хозяйства.⁶¹ На северо-востоке Эстонии уже в конце второй половины I тысячелетия до н. э. земледелие заняло ведущее положение в хозяйстве и значительно опередило в

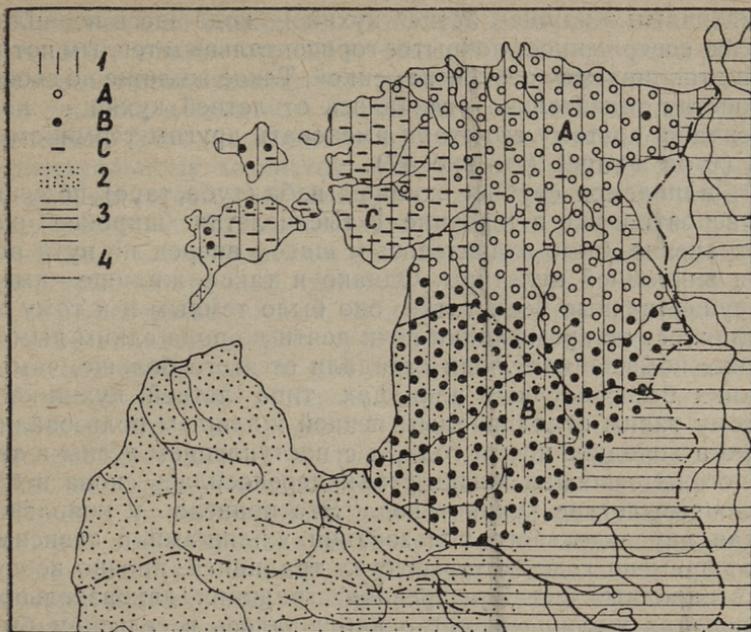

Рис. 60. Распространение основных типов жилища в Эстонии и у соседних с ним народов во второй половине XIX века:
 1 — жилия рига (А — северный тип, В — южный тип, С — западный тип);
 2 — западнолатышский (литовский тип), 3 — жилище русского типа, 4 — восточнославянское жилище. (В Эстонии по материалам автора, в остальных частях по Л. Н. Терентьевой и А. Моора).

этом отношении западную часть Эстонии вместе с островами, где основой хозяйства оставалось в течение долгого времени по-прежнему скотоводство.⁶² Это объясняется различием природных условий в этих районах: в первом были плодородные почвы, во втором — малоплодородные.

Уже ко II веку н. э. социально-экономическое развитие на северо-востоке значительно опередило не только западную часть и острова, но и южную часть Эстонии. Этому в значительной степени способствовало географическое положение северных племен на берегу финского залива, где были более благоприятные условия для развития межплеменных обменов.⁶³

Можно предположить, что развитие жилищ шло быстрее в первую очередь именно на северо-востоке, востоке и центральной части Эстонии в связи с более быстрым развитием земледелия, которое прочно легло в основу хозяйства. Наряду с

примитивным жилищем летней кухни — кода здесь появилось и более совершенное, покрытое горизонтальным теплым потолком и отапливаемое печкой-каменкой. Такое жилище по своему устройству значительно отличалось от летней кухни — кода и очевидно поэтому его стали именовать другим термином — изба (туба и таре) (см. рис. 47).

Отапливаемое срубное жилище изба (туба, таре), получившее вероятно уже в середине I тысячелетия широкое распространение, было значительным шагом вперед по пути развития жилищной культуры. Однако и такое жилище имело еще существенные недостатки: оно было темным и к тому же наполнялось во время топки печи почти до пола едким дымом. В таких помещениях люди страдали от этого больше, чем в прежних беспотолочных жилищах типа летней кухни-кода. Поэтому таким отапливаемым печкой жилищем пользовались только в холодное время года, а с наступлением весны и теплой погоды основная жизнь семьи переносилась снова в беспотолочные летние кухни — кода. Это привело к появлению обычая двураздельного пользования жилищами в зависимости от времени года, который стал традицией, прочно вошедшей в народный быт. Эта древняя традиция двураздельного пользования жилищами четко наблюдалась в сельском быту еще в прошлом веке: к зиме жизнь всей семьи сосредоточивалась в одном отапливаемом жилом помещении, весной же большая ячасть семьи переселялась в амбары и другие хозяйственные помещения, а пищу начинали готовить в летней кухне — кода.⁶⁴ Этим и объясняется то, что наряду с развитым типом жилища — жилой ригой в эстонской народной архитектуре надолго сохранились, в виде хозяйственных построек, древние формы жилища — конусообразные и четырехугольные летние кухни — кода.

Благодаря традиции двураздельного пользования жилищем, отапливаемое зимнее помещение во время уборки и обмолота хлебов было еще свободным, и его удобно можно было использовать для сушки и обмолота хлебов. Последнее диктовалось местными климатическими условиями, где длительные дождливые периоды, совпадавшие со временем уборки урожая, не давали возможности высушить хлеб для обмолота на открытом воздухе. Только сушка в закрытом помещении могла спасти добытый тяжелым трудом хлеб.

Для сушки хлебов в жилом помещении устанавливались временно жерди-колосники, которые после окончания обмолота вновь убирались. Таким образом появилось своеобразное жилище — жилая рига, которая выполняла функции жилья и служила для сушки хлебов.

Принимая во внимание, что жилище на всех этапах исторического развития отражает общественную структуру,⁶⁵ есть основания предполагать, что появление срубного отапливаемого жилища и зачатков жилой риги было связано с процессом перехода от коллективного хозяйства семейных общин к индивидуальному хозяйству отдельных семей. Этот процесс социальных преобразований на северо-востоке Эстонии, как указывает М. Х. Шмидехельм, совершился несколько раньше IV—V вв.⁶⁶ Следовательно, уже на самых начальных этапах возникновения срубных строений у эстонских племен, по крайней мере северо-восточных, создались предпосылки для строительства индивидуальных срубных отапливаемых жилищ, которые использовались и для искусственной сушки хлеба.

Если сравнивать границы распространения эсто-ливских племен примерно в середине I тысячелетия (рис. 59) с границами распространения жилых риг в наши дни (рис. 60), то можно отметить, что в общих чертах они совпадают.

Процесс преобразования примитивного однокамерного жилища в более совершенную жилую ригу продолжался несколько столетий. В этот период формирования жилой риги культура эсто-ливских племен развивалась в обстановке усилившихся влияний со стороны балтийских славянских племен, у которых рост производительных сил и численность населения шли значительно быстрее, чем у эстонских и других угро-финских племен. В связи с этим около середины I тысячелетия эти племена начали с юга постепенно перемещаться к северу, в среду реже населенных угро-финских племен.

Балтийские племена — латгалыцы, — перемещаясь к северу в среду южно-эстонских племен, достигли примерно к IX веку современных границ Эстонской ССР. На всей этой территории постепенно произошла ассимиляция местных южноэстонских племен, и их материальная культура в общем вскоре приняла латгальский облик.⁶⁷

Перемещение восточнославянских племен от верхнего течения Западной Двины к северу видимо началось уже в первых столетиях нашего летоисчисления. В непосредственном соседстве с эстонскими племенами они появились около V столетия.⁶⁸ Из них кривичи, достигнув юго-восточных границ Эстонии, начали постепенно проникать в среду эстонцев в районах Пыльва, Канепи, Рыуге и др., где затем в течение длительного времени мирно бытовали вместе.⁶⁹ Длительное соседство и частично смешанное поселение эстонских и славянских племен способствовало их взаимному тесному сближению как в области материальной, так и духовной культуры.

Но так как у продвигавшихся с юга на север балтийских и

славянских племен общественное и хозяйственное развитие к тому времени шло несколько впереди местных угро-финских, в том числе и эстонских племен, то надо полагать, что их влияние на культуру последних было весьма плодотворным, особенно в области хлебопашества.

Несомненно, что и дальнейшее развитие жилищ обеих племен шло в этот период при тесном взаимовлиянии. При этом необходимо иметь в виду, что местные жители — угро-финские, в том числе и эстонские племена, испокон веков жили в значительно более суровых климатических условиях, чем пришедшие сюда из южных районов балтийские и славянские племена. Поэтому жилища местных племен на основе многовекового опыта были гораздо лучше приспособлены к местным условиям, чем у пришедших племен. На основе этого можно полагать, что балтийские и славянские племена, продвигаясь к северу, хотя и несли с собой устойчивые традиции жилищной культуры, должны были во многом воспринимать местный опыт устройства жилищ.⁷⁰

Этим, должно быть, и объясняется тот факт, что в северной части современной Латвии, т. е. на той территории, на которой южноэстонские племена были ассимилированы латгальцами и культура в общем приняла впоследствии латгальский облик, основным видом жилища все же оставалась по-прежнему жилая рига южного типа, которая продолжала бытовать здесь до настоящего времени. При этом характерно, что здесь наряду с жилой ригой бытует и латгальский тип жилища — истаба.⁷¹

В районах Юго-Восточной Эстонии, куда примерно в середине Итысячелетия проникла значительная часть населения славянского происхождения, господствующим типом жилища осталась жилая рига. Но славяне, жившие здесь в течение нескольких столетий и впоследствии ассимилировавшиеся среди эстонцев,⁷² оставили свой значительный след в местной строительной технике и устройстве жилища. На это указывают как данные языка, так и способы устройства некоторых деталей жилища. Так например в эстонском языке термины «акеп» (ср. русское окно), lava (ср. русское лавка) и др. имеют явно славянское происхождение. Есть основания полагать, что глухая печь появилась в Юго-Восточной Эстонии под влиянием проникшей сюда славянской жилищной культуры, характерными для которой были, начиная с самых древних времен, не печи-каменки, а глинобитные глухие печи. Как известно, в южной половине Восточной Европы, уже начиная с трипольских жилищ, датируемых III тысячелетием до н. э. и при всех раскопках жилищ последующих эпох, неизменно обнаруживались глинобитные печи, которые постепенно рас-

пространяясь с юга на север, вытеснили, возможно, печку-каменку.⁷³

Конечно, при сравнении эстонской глухой печи с русской глинобитной печкой второй половины XIX века, между ними наблюдается большая разница. Это результат длительного развития печей, в течение которого формы их складывались в зависимости от традиций быта и обычаев народа. У русских испокон веков пищу приготавливали в печи, и поэтому, чтобы хозяйке не нагибаться, под печи приподнимался над полом, для чего под печкой устраивался деревянный опечек. Эстонцы же уже с древних времен приготавливали пищу на открытом очаге, а печь служила в основном для отопления жилого помещения, где сушили также и хлеба.

Как уже указывалось, печки-каменки всегда прорезали стены сруба жилища и выходили своими стенами наружу. Эта особенность не является сколько-нибудь характерной для глухих печей Юго-Восточной Эстонии, что опять-таки указывает на некоторую связь ее с глинобитной печкой славянского происхождения, которая никогда не прорезала стен деревянного сруба. И, наконец, в некоторых местах сохранилось старинное название глухой печи — «räftsahi»,⁷⁴ что также указывает на возможно славянское происхождение.

В X веке с продвижением славянских племен дальше на север и образованием Новгорода, возник второй район соприкосновения между славянами и эстами на Северо-Востоке Эстонии.⁷⁶ Хотя и здесь взаимоотношения были так же тесными, влияние на развитие жилой риги славянской жилищной культуры было не столь заметным, как в Юго-Восточной Эстонии. Возможно, это объясняется тем, что здесь к этому времени сложился уже довольно развитый тип жилища — жилая рига.

В последующие столетия между славянами и эстами поддерживались как через северо-восточные, так и юго-восточные границы тесные взаимоотношения, которые плодотворно влияли на развитие строительной техники и жилищной культуры обоих народов. Очевидно, что в то время эстонские строители принимали участие в строительстве Новгорода и Пскова, овладевая таким образом высокой техникой русского строительного искусства. В эстонском народном эпосе «Сын Калева» (Kalevipoeg) это символически воспето в путешествии Сына Калева за Чудское озеро в Псков, откуда он возвращается с огромной ношей досок для строительства сел и городов Эстонии.⁷⁶

При рассмотрении, в общих чертах, архитектуры бань, рыбацких домов и курных изб можно отметить, что их планировка и внутреннее устройство сходны. При этом характерно,

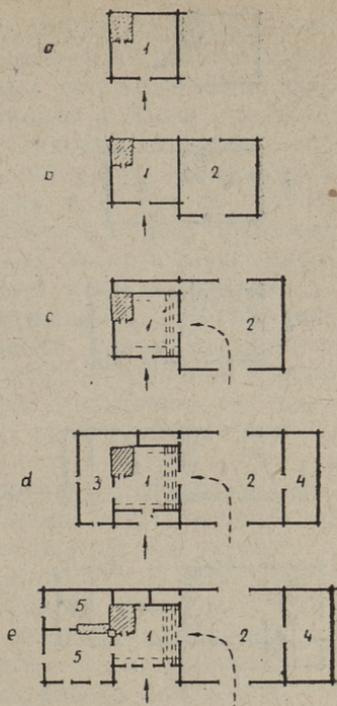
что эти особенности являются общими в пределах распространения определенного типа бань. Так, например, на территории распространения бани северного типа мы встречаем курную избу (рис. 21), в которой так же, как и в бане (рис. 15), печка-каменка расположена в заднем углу устьем против входа, а на территории распространения бань южного типа как в бане (рис. 16), рыбацком доме (рис. 19), так и в курной избе (рис. 20, 22) печка расположена в одном из передних углов устьем к входу. Одним словом, в планировке рыбацких домов и курных изб повторяется старая планировка бань. Это указывает на то, что различные по своему назначению строения, такие как баня, курная изба и рыбацкий дом, образовались в пределах распространения определенного типа на одной основе, т. е. баня и жилье на первоначальных ступенях развития должны были быть объединены в одно строение — жилище. На это указывает и тот факт, что в центральной и западной частях Эстонии бани, как таковые, до недавнего времени отсутствовали вообще (рис. 11) и парение и мытье производились с незапамятных времен вплоть до начала XX века в жилом помещении — риге. Вероятно бани в этих районах никогда и не отделялись от жилища. Наибольшее сходство при сравнении планировки и устройства старинных эстонских бань и примитивных жилищ с соответствующими строениями соседних народов обнаруживается с жилищем и баней восточного соседа — древних славян. Интересно отметить, что обогрев жилища путем поливания водой раскаленных камней применялся в X веке и восточными славянами,⁷⁷ у которых так же, как и у эстов, понятие о бане и жилище в то время явно сливались.⁷⁸ Планировка русских бань последних столетий так же как у эстонцев совпадает с планом жилища, т. е. повторяет собой одну из древних стадий жилища древнерусской народности.⁷⁹

Жилая рига, как определенный и своеобразный тип жилища, сложилась в основном уже к концу I тысячелетия. Она состояла из двух помещений: отапливаемого жилого с временным колосниковым устройством для сушки хлеба и пристроенного к нему неотапливаемого, которое наряду с другими хозяйственными надобностями использовалось для обмола. При этом планировка примитивных жилых риг на севере и юге Эстонии были различными. В основу этих различий легли те особенности, которые имелись в планировке древних однокамерных отапливаемых жилищ, которые служили одновременно и баней.

В северной и центральной частях Эстонии к однокамерному жилищу, у которого печка-каменка располагалась в од-

Рис. 61. Схема развития жилой риги северного типа:

a) 1 — банеобразное жилище — изба (туба), которая использовалась в холодное время года (зимнее жилище) и, кроме этого, служило баней и снопосушильной; *в*) к избе (1) пристраивается помещение для обмолота хлебов — гумно (2); оба эти помещения имели более-менее одинаковую высоту; *с*) помещение избы-риги имеет значительно большую высоту, чем гумно; в риге встроены постоянные колосниковые устройства; *д*) к риге пристраивается полужилое помещение — камора (3), а к гумну некоторые хозяйственные помещения (4); *е*) вместо каморы построены 2—3 жилые комнаты (5)

ном из задних углов устьем против входных дверей (рис. 61 *a*), помещение для хранения и обмолота хлеба пристраивалось сбоку (рис. 61 *в*). В Юго- и Юго-восточной же Эстонии к однокамерному жилищу, у которого печь располагалась в переднем углу с устьем у наружных дверей (рис. 62 *a*), помещение для хранения и обмолота пристраивалось спереди (рис. 62 *в*).

Возможно, что вначале пристроенное помещение для обмолота хлебов (гумно) было построено в виде навеса на столбах, на что указывает название этого помещения — навес — рехеалуне.⁸⁰ Однако, в этом случае навесы должны были быть вскоре заменены срубным строением, так как под открытым навесом было трудно веять зерно. В срубном же помещении можно было создать для этого необходимый сквозняк посредством дверей и ворот.

Дальнейшее наиболее интенсивное развитие и совершенствование жилой риги началось с начала II тысячелетия. Предпосылкой этого явились достигнутая к этому времени более высокая степень развития производительных сил, общественных отношений и культуры. Особенно важными в этом

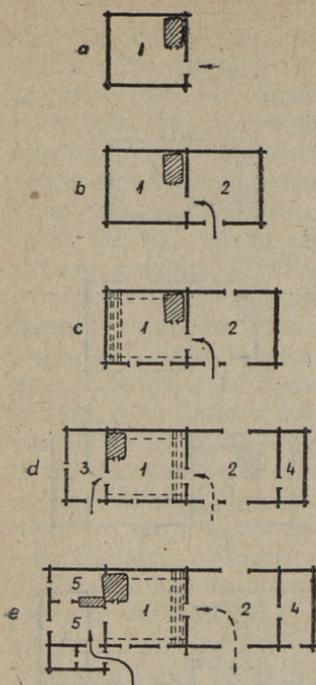

Рис. 62. Схема развития жилой риги южного типа:

a) 1 — банеобразное жилище — изба (таре), которое использовалось жилищем в холодные времена года (зимнее жилище) и, кроме этого, служило баней и сушильной; *b)* к избе-риге (1) пристраивается помещение для обмолота хлебов — гумно. Оба эти помещения имели одинаковую высоту и ширину; *c)* в помещение риги встраиваются пострянные колосниковые устройства; *d)* к риге пристраивается полужилое помещение — камора (3), а к гумну некоторые хозяйственные строения (4); *e)* вместо каморы построены 2—3 жилые комнаты (5)

отношении были успехи, достигнутые в развитии сельского хозяйства. Как известно, к тому времени вошли в употребление новые сельскохозяйственные орудия, развивалось пашенное земледелие, распространилась культура озимой ржи, что привело к значительному увеличению урожая и т. д.

С увеличением урожая для сушки хлебов понадобились большие помещения и с более совершенным оборудованием. В Северной Эстонии для обеспечения сушки хлебов увеличивались размеры сруба как риги-туба, так и расположенного рядом с ним просторного помещения гумна, где производился обмолот и хранился убранный с поля хлеб. Вначале в стене между жилым помещением риги-туба и пристроенным к нему гумном двери не было (см. рис. 37). Она появилась позднее для удобства подачи хлебов из риги для обмолота прямо в гумно, а также и других хозяйственных надобностей.

Старые памятники народной архитектуры XVIII века указывают на то, что первоначально помещения риги и гумна были одинаковой ширины и высоты, причем высота не превышала обычно 2,5 м (см. рис. 35). Как уже указывалось, для сушки хлебов в таких низких ригах применялись временные колосниковые устройства, несущие колосники, горизонтальные

балки которых опирались концами на стойки, или вырубленные в стенах пазы (рис. 36). С увеличением же размеров риг увеличивались и размеры колосниковых устройств. Для поддержки длинных колосников понадобились и более мощные подколосниковые балки, временная установка которых все более затруднялась. Поэтому в больших ригах концы этих балок начали глухо заделывать в стены, т. е. уже во время возведения сруба концы балок врубались между бревнами сруба. Таким образом подколосниковые балки и сами колосники стали постоянной и неотъемлемой частью внутреннего устройства риги. Чтобы колосники не мешали, их приподнимали на высоту 1,8—2 м над уровнем пола. Расстояние между колосниками и потолком для установки снопов хлебов должно было быть около 1,5—2 метров. С введением постоянных колосниковых устройств высота риги увеличилась до 3—4 метров.

В связи со значительным увеличением высоты риги возникла серьезная конструктивная проблема: подвести под одну крышу два сруба — риги и гумна, имевших различную высоту. В случае северэстонского типа жилищ эту проблему разрешили таким путем: сруб гумна строился несколько шире сруба риги и таким образом перед и за ригой оставались широкие навесы (рис. 38), которые можно было использовать для устройства подсобных помещений, как-то мякинника, сени, кладовой и т. д. (рис. 40). В дальнейшем к риге пристраивалась еще камора (рис. 41), которая была вначале неотапливаемым полужилым помещением.

Как в Южной, так и Северной Эстонии с развитием земледелия и увеличением урожая хлебов начали увеличивать размеры жилого помещения и устраивать постоянные колосниковые устройства. Однако на юге гумно пристраивалось сбоку, как это было в случае северного типа, а перед ригой (рис. 44). Кроме того в случае южноэстонского типа с увеличением высоты риги увеличивали и высоту гумна, в результате чего срубы с обеих помещений оставались одинаковой ширины. Но так как в увеличении высоты гумна не было практической необходимости, кроме сугубо конструктивной, то по сравнению с жилой ригой северного типа южный тип был менее рациональным. Если еще учесть при этом удобные конструктивные возможности для устройства перед и за ригой северного типа других необходимых жилых помещений, то становится понятным, почему северный тип постепенно перемещался дальше к югу и вытеснял местный южный тип.

На развитие западноэстонского типа жилой риги, как уже указывалось выше, оказывали сильное влияние как северный,

так и южный тип жилой риги. Это подтверждается наличием в западноэстонском типе жилой риги как глухих печей, так и печей-каменок.

Однокамерное отапливаемое жилище в древности очевидно нередко объединялось под одной крышей с летней кухней — кода таким образом, что последнее служило и сенями.

Если жилое помещение подобного жилища использовалось для сушки хлебов, то можно предположить, что пристроенное помещение кода могло служить для обмолота. Этим, должно быть, и объясняется тот факт, что в некоторых местах гумно называется не гумно (gehealune), а кода (koda).

Развитие жилой риги к концу эпохи феодализма достигло такого уровня, когда к двум основным помещениям, риге и гумну пристраивалось помещение каморы (рис. 61, 62).

Жилые риги середины XIX в., т. е. конца эпохи феодализма, были сравнительно большими. Это было вызвано не только необходимостью объединения в одно строение жилых помещений для сушки хлебов, но и тем, что в то время все еще жили большими семьями. По имеющимся данным, например, на острове Сааремаа в первой половине XVII в. размеры риги были почти такими же, как в середине XIX века.⁸¹ А на острове Муху еще в начале XX века семьи численностью в 15—20 человек были не редкостью.

В эпоху капитализма развитие жилой риги шло в основном по линии совершенствования каморы, вместо которого строилось несколько благоустроенных жилых комнат (рис. 61, 62).

Подводя итог можно сказать, что процесс развития и формирования жилой риги, что было непосредственно связано с развитием земледелия, был весьма длительным и начало его уходит в глубокую древность, ко временам возникновения однокамерного отапливаемого бревенчатого жилища.

Некоторые исследователи стремились изобразить жилую ригу в виде горе-жилища, которое возникло в результате общенародного обнищания и т. п.⁸² И. Маннинен в своем исследовании выдвигает следующую гипотезу истории формирования жилой риги: вначале (по крайней мере до вторжения в Эстонию иностранных захватчиков в XIII в.) для обмолота и сушки хлебов существовало отдельное строение — рига, т. е. функции риги и жилья были раздельными. Позднее, под действием тяжелого гнета иноземных феодалов, происходило общее обнищание народа, в результате чего и народ вынужден был переселяться в риги, которые состояли из двух помещений: риги и гумна. При этом обширное помещение гумна окружало со всех четырех сторон ригу. Узкие проходы перед и за ригой

разделялись перегородками, в результате чего образовывались подсобные помещения: мякинник, кода (сени), кладовая и др.

Такого рода гипотеза формирования жилой риги, выдвинутая И. Манниненом, нашла в свое время широкое признание и поддержку. Однако следует отметить, что она в основном опровергается материалами исследований последних лет.

Эта и некоторые другие гипотезы, выдвинутые по данному вопросу, возникали в основном потому, что в то время народное зодчество было недостаточно изучено. Обычно при рассмотрении истории развития жилой риги исходили из одной формы первоосновы, будь это рига или жилище типа бани. Только детальное изучение типов старых жилищ типа бань, жилых риг и выявление границ их распространения позволили отказаться от этого традиционного метода.

При сравнении курной жилой риги середины XIX в. с обычным беструбным жилищем в виде курной избы, пожалуй первая имела некоторые преимущества. В высокой риге дым мучил людей гораздо меньше, чем в низкой курной избе; кроме того имелось много воздуха и т. д. Рига, окруженная со всех сторон помещениями, была теплой. Смежное с ней просторное гумно было удобным подсобным помещением.

Одним словом, жилая рига была в свое время не отсталым, а довольно развитым типом жилища, мудро приспособленным к местным условиям и требованиям быта крестьянской семьи своего времени.

История возникновения и развития жилой риги является классическим примером того, как формировалось жилище в зависимости от особенностей хозяйственной жизни народа, социальных отношений, местных природных условий, этнические традиции народа, как влияли на развитие и формирование жилища хозяйственные и культурные влияния соседних народов. и т. д. Для своего времени жилая рига могла по праву считаться значительным культурным достижением нашего народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) O. Rezius. Finland. Berlin, 1885, S. 24.
А. Солодовников. Жилище эстонцев в его постоянном развитии. Врем. Эстл. губ. Ревель, 1895, стр. 119—142.
U. T. Sirelius. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker. Helsinki, 1906—11, VII, S. 78.
I. Manninen. Die Sachkultur Estlands II, Tartu, 1933, S. 243—48.
- 2) Н. В. Шлыгина. Эстонское крестьянское жилище в XIX — на але XX в. Балтийский этнографический сборник. Москва, 1956, стр. 70.
- 3) Н. Н. Гурина. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии. Muistsed asulad ja linnused. (Arheoloogiline kogumik). Tallinn, 1955, lk. 153—172.
- 4) L. Jaanits. Neoliitilised asulad Eesti NSV Territooriumil. Muistsed asulad ja linnused. Tallinn, 1955, lk. 176—196.
- 5) H. Moora. Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s. Muistsed asulad ja linnused. Tallinn, 1955. lk. 57.
- 6) EM, EA 37. lk. 701, Saarde khk.
- 7) Название типа — северное и южное — является в отношении их распространения несколько условным, так как северный тип бань встречается кроме северной части Эстонии и в центральной и южной Эстонии, даже в северной части Латвии, а южный тип бань встречается на островах.
- 8) Ilmar Talve. Bastu och torkhus i nordeuropa. Stockholm, 1960, s. 403.
- 9) T. Habicht. Talu õuest ja kõrvalhoonetest Kagu-Eestis. Etnograafia Muuseumi Aastaraamat XVI. Tartu, 1959, lk. 108.
- 10) Liivimaa poorem riimkroonika 1315—1348. Tallinn, 1960, lk. 57.
- 11) Повесть временных лет, ч. II. М.-Л., 1950, стр. 218—219.
- 12) F. R. Kreutzwald. Kalevipoeg. Tallinn, 1949, lk. 90—91.
- 13) F. R. Kreutzwald. Указ. соч. стр. 75.
- 14) F. R. Kreutzwald. Eesti rahva ennemuistsed jutud. Tartu 1875, lk. 14.
- 15) M. I. Eisen. Saun ja vihtlemine. Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat VIII. Tartu, 1934, lk. 28.
- 16) ES KT 135. lk. 40, Viljandi.
- 17) M. I. Eisen. Указ. соч., стр. 29.
- 18) Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточно-славянский этнографический сборник. Москва, 1956, стр. 346.
- 19) Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 347.
- 20) Сравните схему расселения основных групп племен Восточной и Средней Европы в середине I тысячелетия до н. э. (П. И. Третьяков., Восточнославянские племена. Москва, 1953, стр. 108, рис. 8) с указанными границами распространения бань.
- 21) G. Ränk. Saaremaa taluehitused I. Tartu, 1939, lk. 218—219.
- 22) Сведения о времени построения этого дома получены от доц. Е. Эдерберга, который занимается исследованием этого старого памятника народной архитектуры.
- 23) Бывшее расположение открытого очага в кода и печки-каменки в труба показаны на плане пунктирной линией.
- 24) Этот дом был в 1955 году перевезен и установлен в местном Краеведческом музее Мынисте, Валгаского р-на.
- 25) G. Ränk. Указ. соч., стр. 218.

- 26) I. C. Brotze. Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente, Prospekte, Münzen, Wappen. I—X. Рукопись, относящаяся к концу XVIII в. и нач. XIX в., находится в Риге, в фундаментальной библиотеке Акад. Наук Латвийской ССР.
- 27) А. К. Крастыня. Жилища латышских крестьян в Видземе в первой половине XIX в. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Москва, 1959, стр. 392.
- 28) G. Ränk. Указ. соч. стр. 203—207.
- 29) T. Habicht. Rehielamu Kagu-Eestis 19. sajandi teisel poolel. Tartu, 1961, lk. 44.
- 30) Раскопками, произведенными в селище Рыуге, были обнаружены остатки глухих глинобитных печей. (На основе сведений, полученных от доктора исторических наук М. Шмидехельма).
- 31) A. Vassar. Lisandeid eesti hõimude uurimisele Lääne ja Edela-Eestis I—IV sajandil. Eesti rahva etnilisest ajaloost. Tallinn, 1956, lk. 162.
- 32) A. C. Heikel. Rakennukset tseremisellä mordvalaisilla, virolaisilla ja soumalaisilla. Helsingissä, 1887, 167.
- 33) A. C. Heikel. Указ. соч., стр. 169—170.
- 34) EM EA 4, lk. 646—647. Torma.
- 35) ES KT 82, lk. 49. Jõhvi khk.
- 36) ES KT 82, lk. 24. Jõhvi khk.
- 37) H. Moora. Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheoloogia andmeil. Eesti Rahva etnilisest ajaloost. Tallinn, 1956, lk. 118.
- 38) T. Habicht. Указ. соч., стр. 14.
- 39) V. Miller. Jooni mineviku põllumajandusest. Koguteos «Saaremaa». 1959, lk. 119—123.
- 40) G. Ränk. Omapärane elamutüüp Eesti põhjaranniku neemedel. ERM Ar. XIV. Tartu, 1939, lk. 69—89.
- 41) A. Vassar. Agraarsuhetest Eestis XIX sajandi 60—90-ndail aastail. Koguteoses «Baltimaade rahvamajanduse ajaloost». Tallinn, 1956, lk. 141.
- 42) Eesti NSV ajalugu. Tallinn, 1952, lk. 186.
- 43) A. Vassar. Указ. соч., стр. 147.
- 44) A. Vassar. Указ. соч., стр. 148.
- 45) Н. В. Шлыгина. Указ. соч., стр. 78.
- 46) M. Veske. Der Kulturfortschritt im Leben der Esten. Dorpat, 1874, S. 6—7.
- 47) Die Resultate der estländischen Volkzählung vom 29 Dezember 1881 in textlicher Beleuchtung. Reval, 1886.
- 48) Дьяковская культура, которая относится к I тысячелетию до н. э. и началу н. э., была главным образом распространена на Оке, в Верхнем Поволжье и в области Валдайской Возвышенности. Название этой культуры произошло от названия с. Дьякова под Москвой.
- 49) Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 14.
- 50) По наименованию Березнаковского городища (V—VI вв.) в Ярославской области.
- 51) Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. Москва, 1961, стр. 62—70.
- 52) Е. И. Горюнова. Указ. соч., стр. 64.
- 53) Eesti NSV ajalugu I. Tallinn, 1955, lk. 40—43.
- 54) Е. И. Горюнова. Указ. соч., стр. 70.
- 55) H. Moora. Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s. Tallinn, 1955, lk. 40—88.
- 56) А. Я. Стубаве. Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг. Вопросы этнической Истории Прибалтики. Москва, 1959, стр. 186—221.
- 57) Вопрос об этнической принадлежности обитателей Кентескалнса (ливы или латгалы) пока остается спорным.

- 58) Е. И. Горюнова. Указ соч., стр. 65.
- 59) Н. Моога. Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheoloogia andmeil. Eesti rahva etnilisest ajaloost. Tallinn, 1956, lk. 68.
- 60) Н. Моога. Указ. соч., стр. 93.
- 61) Eesti NSV ajalugu I. Tallinn, 1955, lk. 42.
- 62) М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 189.
- 63) М. Х. Шмидехельм. Указ. соч., стр. 201.
- 64) Н. Моога ja A. Моога. Baltimaade ajaloolis-kultuuriliste allvaldkondade ja vähemate alljaotuste kujunemisest. Etnograafia Muuseumi Aastaraamat XVII. Tartu, 1960, lk. 60.
- 65) П. И. Третьяков. Указ. соч., стр. 283.
- 66) М. Х. Шмидехельм. Указ. соч., стр. 207.
- 67) Н. Моога. Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheoloogia andmeil. Eesti rahva etnilisest ajaloost. Tallinn, 1956, lk. 105.
- 68) Н. Моога. Указ. соч., стр. 106.
- 69) V. Trummal. Slaavi vene elemendid Kagu-Eesti materiaalses kultuuris (kuni XIII sajandi alguseni). Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised. Vihk nr. 87. Tartu, 1960, lk. 8.
- 70) В общем для славянских племен были более характерными полуподземные жилища, с глухой глинобитной печкой; в строительной технике применялись столбовые конструкции. Для угро-финских племен — наземные срубные жилища с открытым очагом и печкой каменкой.
- 71) А. Крастыня. Жилища латышских крестьян в Видземе в первой половине XIX в. Труды прибалтийской экспедиции I. Москва, 1959, стр. 387.
- 72) V. Trummal. Указ. соч., стр. 38.
- 73) Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 252.
- 74) E. Edelberg. Hiiumaa taluehitised. Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat II. Tartu, 1926, lk. 73.
- I. Manninen. Указ. соч., стр. 14.
- 75) V. Trummal. Указ. соч., стр. 14.
- 76) F. R. Kreuzwald. Kalevipoeg. Tallinn, 1946, lk. 121, 171.
- 77) История культуры древней Руси. М.-Л., 1950, lk. 204—226.
- 78) Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 346.
- 79) Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 346.
- 80) Н. Моога, А. Моога. Указ. соч., стр. 59.
- 81) G. Ränk. Указ. соч., стр. 150—152.
- 82) I. Manninen. Die Sachkultur Estlands II. Tartu, 1933; P. Kundzins. Dzivojama rija Latvija. Riga, 1934.
- 83) I. Manninen. Указ. соч.

Принятые сокращения

- EM — Этнографический Музей Академии Наук Эстонской ССР.
- EA — Этнографический Архив Этнографического Музея.
- EJ — Этнографические чертежи в этнографическом Музее.
- ES. KT — Работы корреспондентов Общества Родного языка при Академии Наук Эстонской ССР.
- VM — Эстонской Государственный Парк-Музей.
- AK — Архив Комитета по Строительству и Архитектуре при Совете Министров Эстонской ССР.
- Пр. а. — Примечание автора.

К. И. Тихазе
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЭСТОНСКОГО
НАРОДНОГО ЖИЛИЩА

Таллинский политехнический институт

Редактор Х. Орувее

Технический редактор Я. Мыттус

Сдано в набор 1 IX 1962. Подписано к печати 13 XI 1962. Бумага 60×90 ¹/₁₆. Печатных листов 4,5. Учетно-издательских листов 3,9. Тираж 600 экз. МВ-09601. Заказ № 2785.

Типография «Юхисэлу»,
Таллин, ул. Пикк, 40/42.

Цена 27 коп.

